

М. М. Сафонов

**Ame de dentelles,
или Наталья Николаевна и Павел Елисеевич**

Вскоре после смерти Пушкина неизвестный автор заклеимил супругу поэта следующими стихами:

...жена твой враг, твой злой изменник.
Заплатит совести утрату,
Горя преступной страстью к брату;
Сестры, супруга, мужа честь
Она изменой запятнала;
Душа ее враждой пылала
И в жертву ей могла принести
Супруга славу и поэта. —
О пусть тебя поглотит Лета,
Ты русских женщин срам и стыд —
В ряду развратнейших Киприд;
К тебе презреньем все здесь дышит,
Тебя в потомство впишет (sic!)
И сам глава молодых повес —
Кавалергард Барон Дантес.
Твоя любовь ему проклятье,
И ты пола (sic!) на свое изъятие,
На славу мужа посягнула,
Парнас украсила рогами.
Клянусь и Адамом и Богами,
Ты поношенье всего света,
Предатель и жена поэта.

Предатель русской музы славы.
 О! пей до дна нектар отравы!
 Злодейством смейся и ругайся,
 Но Пушкина женой не называйся¹.

Как ни бездарно это стихотворение в поэтическом отношении, мысль о Наталье Николаевне как главной виновнице гибели поэта выражена здесь хотя и довольно топорно, но предельно ясно. Видимо, сильнее, нежели в каком-либо другом тексте, родившемся в январе — февраля 1837 г., под свежим впечатлением только что свершившейся трагедии.

Любая из этих строчек вполне могла бы послужить эпиграфом к книге П. Е. Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина»², ибо для посрамления Натальи Николаевны Павел Елисеевич сделал несравненно больше, нежели бездарный неизвестный поэт. Безвестный автор вполне искренно и несколько наивно выплеснул в поэтические строки душившее его негодование. Ученый же совершенно сознательно и целенаправленно дискредитировал жену поэта, некорректно используя научные приемы. Пожалуй, для исследования гибели Пушкина П. Е. Щеголев сделал больше, чем все пушкинисты вместе взятые. Он разыскал, опубликовал и прокомментировал важнейшие документы, отражающие ход дуэльной истории, так что без книги «Дуэль и смерть Пушкина» сегодня невозможно ни одно сколько-нибудь серьезное исследование³.

Однако, отмечая огромный вклад П. Е. Щеголева в изучение гибели поэта, необходимо обратить внимание на целый ряд исследовательских промахов ученого, оказавших сильнейшее влияние на последующее пушкиноведение, направивших пушкинистов блуждать по неверному пути. По всей видимости, П. Е. Щеголев ощущал себя в пушкиноведении тем же, чем Пушкин был в литературе. Бессознательно, а может быть, и преднамеренно ученый переносил свой личный жизненный опыт на исследовательские проблемы. Похоже, что, будучи мужем жены-красавицы, П. Е. Щеголев спроецировал свое видение отношений творческой личности и просто красивой женщины на взаимоотношения Пушкина и Натальи Николаевны. Как бы то ни было, работа П. Е. Щеголева оказалась очень тенденциозной. В ней ясно ощущается некий привкус женоненавистничества. В исследовании маститого историка чувствуется стремление во что бы то ни стало сделать жену Пушкина главной виновницей гибели поэта.

Характерно, что изложение обстоятельств, предшествующих дуэли, Щеголев завершил примечательной фразой: «Приведенными свидетельствами — прямыми... и косвенными — исчерпываются все данные, имеющиеся в нашем распоряжении в настоящее время о вине Натальи Николаевны. Эти свидетельства достаточно красноречивы»⁴. Попросту говоря, это означает: очень бы хотел найти еще, но не смог.

Как известно, появлению книги П. Е. Щеголева предшествовала его обширная публикация в «Историческом вестнике» за 1905 г. «Дуэль Пушкина с Дан-

тесом (Новые материалы)»⁵. В этой работе Щеголев писал о том, что «история последней дуэли Пушкина далеко не выяснена»⁶. «Даже ближайшие друзья не знали всей истины о событиях, предшествующих дуэли»⁷, «до сих пор время не раскрыло тайных пружин против Пушкина... истиной мы еще не владеем и поэтому не можем пока написать прагматическую историю дуэли Пушкина»⁸.

П. Е. Щеголев самым подробным образом изложил в своей публикации все то, что П. А. Вяземский написал о гибели Пушкина как о драме ревности поэта⁹. При этом пушкинист совершенно не обращал никакого внимания на противоземский характер отношений Геккерна и Дантеса, что само по себе ставило под сомнение многое из того, о чем так охотно рассказывал всем П. А. Вяземский¹⁰. Напротив, П. Е. Щеголев исходил из того, что Дантес и Геккерн на самом деле были родственниками. «Знакомство его с Геккерном, — писал П. Е. Щеголев, — как оказывается, вовсе не имело противоземского характера: Геккерн находился в близких родственных отношениях с семьей Дантеса и поддерживал сношения с его родными»¹¹. По словам исследователя, Дантес приехал в Петербург «к давнему другу своей семьи и родственнику, занимавшему высокое положение в русской столице»¹². Исходя из этих недостоверных данных, полностью отрицающих гомосексуальный характер отношений двух главных действующих лиц этой трагедии, П. Е. Щеголев нарисовал нам драму ревности поэта к жене.

Как известно, сразу после гибели Пушкина князь П. А. Вяземский создал легенду о смерти поэта. Согласно этой легенде, Пушкина убил свет. Легенда была создана Вяземским для того, чтобы защитить материальные и моральные интересы семьи Пушкиных и скрыть собственную роль в этой трагедии. Однако версия Вяземского была внутренне противоречива, в ней было очень много недосказанного, а в ряде случаев концы не сходились с концами. Сохраняя доброе имя Пушкина и его жены, П. А. Вяземский старался снять всякое подозрение в виновности со вдовы поэта, а между тем из его построений явствовало, что именно ее легкомысленное поведение давало обильную пищу для светского злословия, которое и «зарезало» в конце концов великого писателя¹³.

Журнальная публикация в «Историческом вестнике» 1905 г. была перепечатана семь лет спустя в «Очерках» П. Е. Щеголева о Пушкине¹⁴, а еще через четыре года, уже в переработанном виде, вышла отдельной книгой¹⁵. В этих публикациях Щеголев попытался преодолеть недостаточную убедительность и тенденциозность П. А. Вяземского, однако это пушкинисту так и не удалось.

В первом издании книги П. Е. Щеголев под давлением неоспоримых свидетельств был вынужден отказаться от своего неверного представления о родственных отношениях, существующих между двумя Геккернами, и признать их связь противоестественной. Правда, в первом и во втором, вышедшем в следующем 1917 г.¹⁶, изданиях книги это было сделано с некоторыми оговорками. «Современники, реально настроенные, — писал П. Е. Щеголев, — стремились подыскать чисто реальные основания близости Геккерна и Дантеса, и выставленные

ими основания были двух родов: естественного и противоестественного... на основании документов, опубликованных в нашей книге, можно категорически утверждать неверность всех сообщений о родстве Геккерна и Дантеса. Объяснение порядка, так сказать, противоестественного сводилось к утверждению, что посланник был близок к молодому французу по-особенному — извращенной близостью мужчины к мужчине. Как бы то ни было, отношения Геккерна и Дантеса... проникнуты необычайной заботливостью и нежностью»¹⁷. При этом ученый отослал читателю к рассказу А. В. Трубецкого, где о Дантесе говорилось: «Не знаю, как сказать, он ли жил с Геккерном, или Геккерн жил с ним...»¹⁸ Однако в щеголевской публикации этот фрагмент был заменен отточием¹⁹. Рассуждая о том, сводничал ли Геккерн Дантесу, П. Е. Щеголев в другом месте своей книги отмечал: «...в жизненные расчеты Геккерна отнюдь не входило поощрение любовных ухаживаний Дантеса. А если мы приложим к барону Геккерну ту мерку, с которой подходили к нему многие из обвинявших его в сводничестве, и если на минуту согласимся с ними в том, что любовь Геккерна к Дантесу заходила далеко за пределы отцовской и была любовью мужчины к мужчине, то тогда обвинение в сводничестве станет невероятным. И если Геккерн был действительно человек извращенных нравов, то, ревнуя Наталью Николаевну к Дантесу, не сводить его с ней он был должен, а разлучать, во что бы то ни стало»²⁰.

Однако в третьем советском издании книги, вышедшем в 1928 г., все эти «если» были уже отброшены. Здесь уже все названо своими именами. Сексуальная ориентация Геккерна без обиняков характеризовалась как гомосексуализм. «Вспомним, — отмечал П. Е. Щеголев, — признания князя А. В. Трубецкого о том, что в 30-х годах в высшем петербургском свете было развито бугрство, и что Дантес был связан с Геккерном на этой почве... Да, это было распространенным явлением в Петербурге среди высшего света — преимущественно в дипломатическом кругу»²¹. «Геккерн был окружен аристократической молодежью, с которой он был в отношениях неестественной интимности... К кружку молодых “астов”, шаливших вместе с Геккерном, тянется другая нить в этом деле»²². «От низин идут физические исполнители. Они примыкают к патологическому на сексуальной почве коллективу, группировавшемуся вокруг Геккерна. Спаянные общими вкусами мужской влюбленности, молодые люди — все аристократической марки — легко и беспечно составили злой умысел на честь — потом оказалось, и на жизнь Пушкина»²³.

Это очень важная переоценка действующих лиц, из которой вытекало, что у Натальи был роман с гомосексуалом, а точнее говоря, с бисексуалом, не повлекла за собой никаких корректив в изображении отношений кавалергарда и жены поэта. Хотя неизбежно вставал целый ряд очень важных вопросов: почему два гомосексуала преследовали Пушкину? Знала ли Наталья Николаевна о характере отношений Геккерна и Дантеса и, следовательно, отдавала ли она себе отчет в том, кто и с какой целью за ней так демонстративно ухаживал?

Наконец, как сам Пушкин объяснял себе тот факт, что один гомосексуал сводничал другому, стараясь свести его с замужней женщиной?

Ни один из этих вопросов, самая постановка которых заставила бы увидеть трагедию 1837 г. в ином свете, перед П. Е. Щеголевым не возник. Он упорно продолжал искать обвинений против Натальи Николаевны. Более того, исследователь стремился во чтобы то ни стало сделать Наталью Николаевну главной виновницей гибели Пушкина. Он очень предвзято трактовал источники в невыгодном для жены Пушкина свете. Если те или иные сведения служили обвинению Натальи Николаевны, историк не останавливался перед тем, чтобы на них опереться.

Еще в журнальной публикации П. Е. Щеголев предъявил обвинительный акт Наталье Николаевне, хотя для этих категорически сформулированных обвинений у исследователя вовсе не было бесспорных оснований. В лучшем случае он мог отметить, что существуют данные, которые позволяют высказать предположение, но ничуть не более, о том, что она виновнее, нежели пытались представить друзья поэта.

В самом деле, П. Е. Щеголев справедливо отмечал, что задача друзей Пушкина заключалась в прекращении всяких толков, оскорбительных для памяти усопшего. Это действительно так, но из этого вовсе не следует, что подобные слухи были справедливы, и Пушкина и впрямь была виновна. Однако Щеголев занял такую позицию: раз друзья выполняют волю покойного, завещавшего оградить имя жены от клеветы, то, будь они свободны от этой обязанности, они не стали бы скрывать того, что им было известно о роли Пушкиной в разыгравшейся трагедии²⁴. Уже из самого характера рассуждений Щеголева хорошо видно, что в его глазах Наталья Николаевна априори должна была быть кругом виновата. И действительно, когда Щеголев ввел в научный оборот письмо П. А. Вяземского великому князю Михаилу Павловичу, где содержался упрек Пушкиной в легкомыслии и беспечности²⁵, ученый поспешил подчеркнуть этот факт как заслуживающий особенного внимания. П. Е. Щеголев выделил особо, что в своих первых письмах после катастрофы Вяземский не касался вопроса о роли жены Пушкина, об отношениях Натальи Николаевны к Дантесу. Но стоило Вяземскому заговорить об этом, как его тон стал «довольно резким»²⁶. Похоже, что князь уже не считал себя связанным завещательными распоряжениями Пушкина в той же степени, как прежде. Между тем П. Е. Щеголев не заметил, что в своих первоначальных письмах к А. Я. Булгакову П. А. Вяземский не осуждает не только Пушкина, но и Дантеса с Геккерном²⁷. Письмо же к великому князю Михаилу Павловичу П. А. Вяземский написал тогда, когда Комиссия военного суда вскрыла факты предосудительного поведения обоих Геккернов по отношению к жене Пушкина²⁸, и только тогда, когда позиция власти по этому вопросу определилась, П. А. Вяземский осмелился открыто осуждать Дантеса и говорить о легкомыслии и беспечности жены поэта²⁹.

П. Е. Щеголев выделил две версии дуэльной истории: Геккернов и друзей Пушкина³⁰. Согласно версии Геккернов, отношения Дантеса к Натали не выходили за рамки общепринятых и не заключали в себе ничего предосудительного, а виновником случившегося стали рок и африканский характер Пушкина. Согласно версии друзей, Дантес ухаживал за женой Пушкина, но связь не переходила в преступную, честь Наталии Николаевны оставалась вне всяких подозрений, свет же истолковал их по-другому, что и стало причиной трагедии. П. Е. Щеголев отметил, что версия друзей оставляет некоторые эпизоды дуэльной истории «совершенно необъясненными, то есть иррациональными». Ученый особо выделил то обстоятельство, что «источником фактической части этой версии являются показания Наталии Николаевны Пушкиной». Исследователь напирал на то, что Натали сама рассказала мужу об ухаживаниях Дантеса, она сама сказала Пушкину, как Геккерн выполнял роль сводни. И это все произошло именно тогда, «когда пришлось объясняться»³¹. П. Е. Щеголев особо подчеркнул: в письме царя Николая Павловича брату великому князю Михаилу говорилось о том, что жена Пушкина «открыла мужу всю гнусность поведения обоих, быв во всем невинна»³².

Таким образом, ученый выделял то обстоятельство, что перед нами интерпретация самой Наталии Николаевны. Все данные о ее невинности получены из ее собственных уст. И вот это-то под пером П. Е. Щеголева и было представлено как доказательство ее вины, тогда как непредвзятому читателю совершенно очевидно, что отмеченное обстоятельство может служить основанием лишь для сомнений в том, что все могло быть иначе, но отнюдь никак не исключает, что Пушкина просто-напросто рассказала мужу правду. Для того чтобы обвинять Наталию Николаевну в том, что она намеренно исказила положение дел, чтобы оправдать свое порочное поведение, нужны были факты противоположного свойства, свидетельства, которые доказывали бы, что жена поэта говорила неправду. В поисках таких фактов П. Е. Щеголев обратился к свидетельствам Я. Геккерна. Уже само это обращение говорило о многом. Павлу Елисеевичу позарез нужны были факты, обличающие неверность Пушкиной, но получить их было неоткуда, и тогда Щеголев готов был обратиться и к «семейству» убийцы, зная, что Геккерны не брезговали ничем, чтобы оправдаться. Исследуя последнюю дуэль Пушкина, посетовал П. Е. Щеголев, мы слышим горячие речи друзей поэта, но голосов самих Геккерна и Дантеса мы не слышим. Объяснения же Геккернов «вносят новые и важные подробности о действиях прикосновенных к дуэли лиц: таковы, например, сообщаемые Геккерном данные о роли Н. Н. Пушкиной»³³. Показания Я. Геккерна П. Е. Щеголев назвал «важнейшими». По мнению ученого, дипломат сообщил «новые и неожиданные подробности»³⁴.

П. Е. Щеголев обратил внимание на то, что Геккерн высказался о роли Наталии Николаевны в письме к К. В. Нессельроде 1 марта 1837 г.³⁵, т. е. тогда, когда вопрос о его отставке был уже решен и дипломат новыми признаниями никак

не мог повлиять на решение своей судьбы³⁶. Однако это далеко не так. Судьба Геккерна была окончательно решена только месяц спустя, когда Николай Павлович отказал ему в аудиенции и прислал табакерку, что на дипломатическом языке означало: посланник никогда не вернется на свой пост при петербургском дворе³⁷. Однако в начале марта 1837 г. вопрос о дальнейшей судьбе Геккерна оставался еще открытым. Но самое главное заключалось в том, что мнение царя о Геккерне не могло не отразиться и на судьбе Дантеса, она-то как раз и решалась в этот ответственный момент. Хотя Комиссия военного суда уже закончила свою формальную работу, наверху продолжали негласно собирать сведения о деле Пушкина с Дантесом. А. Х. Бенкендорф, глава III Отделения, занимался поисками автора анонимного пасквиля и добывал образец русского почерка Дантеса³⁸. 26 февраля 1837 г. Дантес обратился к презусу военно-ссудной комиссии А. И. Бреверну с письмом, в котором сообщил ряд сведений, порочащих Пушкина³⁹. А три дня спустя Геккерн написал неофициальное письмо вице-канцлеру К. В. Нессельроде. В письме Геккерн недвусмысленно писал, что рассчитывает на то, что К. В. Нессельроде доведет его до сведения государя. Дипломат подчеркнул, что клевета может посеять в уме монарха «некоторые сомнения» на его, Геккерна, счет. Поэтому-то он и решил «отразить обвинения», павшие на него⁴⁰.

«Я якобы подстрекал моего сына, — писал Геккерн, — к ухаживаниям за г-жой Пушкиной. Обращаюсь к ней самой по этому поводу. Пусть она покажет под присягой, что ей известно, и обвинение падет само собой. Она сама сможет засвидетельствовать, сколько раз предостерегал я ее от пропасти, в которую она летела, она скажет, что в своих разговорах с ней я доводил свою откровенность до выражений, которые должны были ее оскорбить, но вместе с тем и открыть ей глаза; по крайней мере, я на это надеялся». Далее дипломат сообщил, что, если Пушкина откажет ему в своем признании, он может обратиться к свидетельствам двух высокопоставленных дам, бывших его поверенными, которым он день за днем «давал отчет во всех своих усилиях порвать эту несчастную связь».

«Мне возразят, — продолжал дипломат, — что я должен был бы повлиять на своего сына? Г-жа Пушкина и на это могла бы дать удовлетворительный ответ, воспроизведя письмо, которое я потребовал от сына, — письмо, адресованное к ней, в котором он заявлял, что отказывается от каких бы то ни было видов на нее. Письмо отнес я сам и вручил его в собственные руки. Г-жа Пушкина воспользовалась им, чтобы доказать мужу и родне, что она никогда не забывала вполне своих обязанностей»⁴¹.

Для непредвзятого читателя совершенно очевидно, что в этом письме Геккерн любой ценой пытался оправдать себя. Для этой цели он не останавливался даже перед призывами допросить Н. Н. Пушкину о самых интимных сторонах этого дела. Геккерн отрицал прежде всего то, что он выступал в роли сводни. Нет сомнения в том, что дипломат в данном случае писал правду, которая могла

быть подтверждена самой Н. Н. Пушкиной. Очевидно, выполняя просьбу Дантеса выступить в роли сводни, Геккерн очень своеобразно исполнял возложенную на него миссию. Он пугал Пушкину теми опасностями, которые неизбежно возникли бы, если бы она уступила домогательствам его приемного «сына». Мотивы такого поведения посланника раскрыл сам П. Е. Щеголев в первом же издании своей книги. Как помним, он справедливо писал о том, что если Дантес и Геккерн были сексуальными партнерами, то в расчеты посланника не входило поощрять любовные ухаживания Дантеса, напротив, не сводничать должен он был, а разлучать его с Натальей Николаевной⁴². Можно не сомневаться, что именно так и поступал Геккерн. Даже из обвинений дипломата в сводничестве, содержащемся в известном письме Пушкина 26 января 1837 г., спровоцировавшем дуэль, можно заключить, что Геккерн, говоря о любви Дантеса к Наталье Николаевне, просил ее «вернуть ему его сына»⁴³, т.е. скорее добивался того, чтобы домогательства кавалергарда не увенчались успехом. Нет ничего удивительного в том, что Геккерн рассказывал о своих усилиях двум великосветским confidentкам, и они могли бы это подтвердить под присягой. То же можно сказать и о письме, которое по настоянию Геккерна Дантес написал Пушкиной, где он объявлял, что отказывается продолжать какие-либо домогательства по отношению к ней. К сожалению, мы не знаем, когда такое письмо было написано и с какой целью. Было ли оно одним из элементов той любовной игры, которую вел Дантес с Натали, либо же, получив вызов Пушкина, кавалергард пытался доказать, что для поединка не может быть серьезных оснований. Важно, что такое письмо, каков бы ни был его подтекст, действительно было принесено Геккерном и вручено «в собственные руки» Пушкиной⁴⁴. Это могло быть зачтено дипломату как действие, направленное на то, чтобы разлучить «сына» и красавицу. То, что Н. Н. Пушкина могла воспользоваться таким письмом для доказательства своей невиновности перед мужем, свидетельствовало скорее в ее пользу, нежели против нее.

Но как же эти пассажи трактовал П. Е. Щеголев?

По его словам, Геккерн в этом письме «раскрывает тайны», «приподнимает уголок завесы» и «сообщает новые и неожиданные подробности»⁴⁵. Посланник «возлагает ответственность на Наталью Николаевну, он ее не щадит». В несколько неопределенных выражениях дипломат утверждает существование «несчастной связи» (*funest liason*)⁴⁶. «Кажется, последнее выражение не допускает сомнений в материальном характере этой связи», — утверждал П. Е. Щеголев. То есть он хотел сказать, что между Натали и Дантесом существовали интимные отношения, которые Геккерн хотел прервать. При этом П. Е. Щеголеву «дело представлялось так, что не только Дантес был влюблен в нее, сколько она в него. И по рассказам друзей Пушкина выходит, что Наталья Николаевна даже после разговоров и объяснений с мужем не только не могла оторваться от увлекательного Дантеса, ее тянула к нему некая неодолимая сладкая сила»⁴⁷. Предвзято трактуя двусмысленные француз-

ские тексты Геккерн, П. Е. Щеголев поставил под сомнение и утверждение П. А. Вяземского о «легкомыслии и ветрености» Пушкиной⁴⁸. «Но правдив ли князь Вяземский, — патетически восклицал ученый, — изображая почти воздушными штрихами отношения Натальи Николаевны и Дантеса, и не приписывает ли он ей такую беспечность и непоследовательность, какой в действительности не бывает? Но ведь вокруг мужа собралась гроза, и она не могла не чувствовать ее приближения... и... все же ее тянула к Жоржу Дантесу неодолимо сладкая сила»⁴⁹.

Единственное, на чем мог основывать свои обвинения Щеголев, заключалось во французском выражении «une liaison», которую пытался разрушить Геккерн. Но это французское слово могло в равной степени означать и «постель», и «платоническую привязанность». Впрочем, П. Е. Щеголев, несомненно, перестарался, утверждая несомненность «материального характера этой связи». К счастью, сам же Геккерн оставил нам неоспоримое свидетельство того, какое значение он вкладывал в это слово. Дело в том, что через три дня после того, как он обратился к К. В. Нессельроде, дипломат решил переслать копию этого же письма еще и генерал-адъютанту А. Ф. Орлову. Поэтому может показаться по меньшей мере странным утверждение П. Е. Щеголева о том, что Геккерн не пытался повлиять на решение своей судьбы. Мотивируя свой поступок, дипломат писал: «Мне нечего добавить к нему, но исполненный чувства вполне естественного возмущения, я опасаюсь, что не вполне рассеял все сомнения относительно г-жи Пушкиной. Поэтому я считаю своим долгом уверить вас, клянусь честью, что ее связь с моим сыном никогда не позволяла ей забыть о своих обязанностях, и что она осталась в этом отношении столь же чиста, каковой она была, когда г-н Пушкин дал ей свое имя» (Je n'ai rien à y ajouter, mais entraîné par un sentiment d'indignation bien naturel, je crains de n'avoir pas suffisamment dissipé tout soupçons à l'égard de M-me Pouchkine, et je me crois obligé vous affirmer; sur l'honneur, que sa liaison avec mon fils ne lui à jamais fait oublier ses devoirs, et qu'elle restée aussi pure à set égard qu'alors que M-r Pouchkine lui donna son nom)⁵⁰.

К счастью, в письме к А. Ф. Орлову Геккерн употребил то же выражение, что и в послании к К. В. Нессельроде — «une liaison» — и тем самым развеял всякие сомнения относительно того, какой смысл он вкладывал в слово «связь». П. Е. Щеголев письма к А. Ф. Орлову не знал. Оно было опубликовано лишь в середине XX в. Конечно, заверения двуличного Геккерн о чистоте Натальи Николаевны немного стоят, равно как и о ее якобы порочности. Ведь линия оправдания Геккернов состояла в отстаивании полной невинности Пушкиной и, следовательно, Дантеса. Однако трудно было бы найти лучшее доказательство тенденциозности и предвзятой необъективности П. Е. Щеголева, стремившегося любой ценой сделать Наталью Николаевну виновницей трагедии. Это было исходным пунктом, с которого он начал работу над книгой о гибели Пушкина.

В предисловии к первому изданию своей книги П. Е. Щеголев писал, что он предпринял попытку «прагматического изложения истории столкновения и поединка Пушкина с Дантесом»⁵¹. Ученый поставил перед собой задачу, «откинув в сторону все непроверенные и недостоверные сообщения, дать связное построение событий»⁵². Однако он вовсе не придерживался провозглашенного здесь принципа. «Непроверенные» и «недостоверные» сообщения, если они только чернили Наталью Николаевну, П. Е. Щеголев включал в свою книгу не колеблясь. Более того, он намеренно уклонялся от того, чтобы «проверить и отбросить», т. е. сознательно поступал вопреки принципам объективного научного исследования. Но при этом продолжал заверять читателя, что неуклонно следует принятым правилам. «В своем изложении рокового столкновения Пушкина с Дантесом, — писал П. Е. Щеголев, — я исхожу из достоверных, документальных, бесспорных данных и совершенно не принимаю в расчет многочисленных рассказов и сообщений — плодов досужей болтовни современников». С особенной резкостью исследователь истории последней дуэли должен отринуть такие негодные источники, как пресловутые «Записки А. О. Смирновой»⁵³ и рассказы Л. Н. Павлищева⁵⁴.

В этот ряд следовало бы поставить и воспоминания А. П. Араповой, дочери Натальи Николаевны от ее брака с П. П. Ланским⁵⁵, потому что, по сути дела, между ее сочинением о своей матери и сочинениями Л. Н. Павлищева о знаменитом дяде не было никакой принципиальной разницы. Оба сочинителя перedelывали известные им документы и фантазировали, как бог на душу положит. Однако Л. П. Павлищева П. Е. Щеголев отнес к числу тех, которых следует «оттолкнуть» «с особенной резкостью»⁵⁶, а вот сочинение А. П. Араповой встретило совсем другой прием. Еще бы, из ее сочинения можно было извлечь много обвинительного материала и связно объяснить события, предшествующие дуэли. Именно поэтому оно и пошло в ход.

«Беллетризованное исследование» дочери Пушкиной он положил в основу своей работы. Обильно цитируя А. П. Арапову, П. Е. Щеголев лишь заметил, что «здесь важна не форма и не подробности этого рассказа, а общее содержание, общий смысл»⁵⁷.

О причине, благодаря которой ученый решил поступиться принципами объективного научного исследования, догадаться несложно. Она лежит на поверхности. П. Е. Щеголеву так и не удалось найти компрометирующих Наталью Николаевну фактов, которые со всей очевидностью доказывали бы, что именно она явилась главной виновницей гибели Пушкина. Доказать «материальный характер»⁵⁸ связи Пушкиной и Дантеса, о чем ученый почти в категорической форме заявил в первой своей работе, никак не получалось. Поэтому в книге П. Е. Щеголев уже не решился утверждать подобное. Но центр тяжести обвинений переместился. Главная вина Натальи Николаевны теперь заключалась не в реальной измене мужу, а в том, что ее легкомысленное поведение спровоцировало дуэль.

Жадно схватился П. Е. Щеголев за версию, которую создала А. П. Арапова. Ученый прекрасно знал о том, что воспоминаниям А. П. Араповой грош цена, потому что это простая беллетристика. Цель ее — обелить мать. Но если А. П. Арапова считала, что ее выдумка «реабилитирует» мать, очищает ее от обвинений⁵⁹, то П. Е. Щеголев, напротив, «изобретения» дочери попытался обратить прежде всего против матери. По словам Павла Елисеевича, «рассказывая об отношениях своей матери, Арапова лишь умножила бывший в нашем распоряжении обвинительный против Натальи Николаевны материал»⁶⁰.

Ее основная вина в дуэльных событиях теперь заключалась в том, что она тайно встретила с Дантесом в кавалергардских казармах, мужу не сказала об этом ни слова, Пушкин же узнал об этом от некоего «доброжелателя», и дуэль стала неизбежна⁶¹. Найдя, таким образом, непосредственную причину поединка, о которой ученый не знал, когда писал свою первую работу о дуэли, именно под этот «финал» П. Е. Щеголев пытался подстроить в своей книге все события дуэльной истории. Если в 1905 г. ученый подчеркивал, что история дуэли Пушкина с Дантесом «далеко не выяснена»⁶², говорил о невозможности дать «прагматическое изложение» этого столкновения⁶³, теперь же, десятилетие спустя, во многом благодаря беллетристическому «исследованию» А. П. Араповой Павел Елисеевич счел это возможным.

П. Е. Щеголев нарисовал в своей книге неприглядный портрет Натальи Николаевны. Такой портрет был необходим ученому, чтобы роль, которую он собирался отвести ей в драме, не только выглядела бы правдоподобно, но чтобы ни у кого не возникло бы сомнения насчет того, что Пушкина могла вести себя в этой ситуации как-нибудь по-другому. Даже красоту Натальи Николаевны Павел Елисеевич поставил ей в вину. Она уже была виновата в том, что необыкновенно красива. «Можно было бы привести много современных свидетельств о светских успехах Натальи Николаевны Пушкиной, — писал П. Е. Щеголев. — Но все они однообразны: сияет, блистает, la plus belle, поразительная красавица и т. д. Но среди десятков отзывов о ней нет ни одного, который указывал бы на какие-либо иные достоинства Н. Н. Пушкиной, кроме красоты. Кое-где прибавляют: “Мила, умна”, но в таких прибавках чувствуется только дань вежливости той же красоте. Да, Наталья Николаевна была так красива, что могла позволить себе роскошь не иметь никаких достоинств»⁶⁴.

«Кто же, наконец, она, эта поразительная красавица? — задался сакраментальным вопросом П. Е. Щеголев. — Какую душу облекла прекрасная внешность?»⁶⁵ За ответом Щеголеву не надо было далеко ходить. Достаточно было заглянуть в письма Пушкина и намеренно не пропускать самого важного свидетельства: «а душу твою я люблю больше твоего лица»⁶⁶. Казалось бы, следовало обратить особое внимание на эти слова человека, который более, чем кто-либо, мог судить о Наталье Николаевне не по ее внешности. Увы, П. Е. Щеголев предпочел проигнорировать признание поэта. Ученый продолжал настаивать: «...почти все (действительно, почти, если не сбрасывать со счета самого

главного из них. — М.С.) современные свидетельства о Наталье Николаевне говорят только о ее поразительной красоте и ни о чем больше: они молчат о ее сердце, ее душе, ее вкусе... Во всех свидетельствах о ней... не приведено ни одной ее фразы, не упомянуто ни об одном ее действии, поступке. Точно она — лицо без речей в драме, и вся ее роль сводится только к блистанию и затмеванию всех своей красотой. В этом молчании современников нет ничего загадочного. Молчат потому, что нечего было сказать, нечего было отметить»⁶⁷.

Желая унижить Наталью Николаевну во что бы то ни стало, Павел Елисеевич решил «спроецировать» изображение ее личности по письмам к ней Пушкина. В вину жене поэта ставится то, что он не поделился с ней ни одним литературным замыслом, если же упоминал о творческом процессе, то только с материальной стороны. Необходимость творчества оправдывается в письмах материальными потребностями. По словам П.Е. Щеголева, Пушкин оттого не писал жене о творчестве, что это было ей «безразлично и непонятно». Из писем Пушкина ничего нельзя узнать об отношении Натальи Николаевны к театру, к литературе, к живописи и к музыке⁶⁸.

Но в этом нет ничего удивительного. П.Е. Щеголеву следовало бы задаться простым вопросом, много ли мы узнаем о литературных замыслах, об отношении к театру, литературе, живописи и музыке самого Пушкина из его собственного дневника этого же времени?⁶⁹ Надо было бы построить еще одну «проекцию»: изображение личности Пушкина по его дневнику. Такая работа, будь она проделана П.Е. Щеголевым, сразу же вскрыла бы всю некорректность метода, которым он пользовался для того, чтобы принизить Н.Н. Пушкину. Но этого П.Е. Щеголеву оказалось недостаточно. Он пошел дальше и решил по письмам мужа осветить духовную жизнь Пушкиной. Он свел эту жизнь «к весьма узким границам и области любовного чувства на низкой стадии развития, к переживаниям, вызванным проявлениями обожания ее красоты со стороны ее бесчисленных светских почитателей». Читая пушкинские письма, П.Е. Щеголев ощутил «атмосферу пошлого ухаживания». Отсюда последовал убийственный вывод: «Воздухом этой атмосферы, раздражавшей поэта, дышала и жила его жена»⁷⁰.

Не колеблясь, П.Е. Щеголев взялся за предмет более чем деликатный: он решил «измерить глубину чувства Натальи Николаевны к Пушкину»⁷¹. Не говоря о том, что этот не поддающийся «ученым измерениям» предмет едва ли мог стать объектом исследования, в распоряжении Павла Елисеевича вообще не было данных, чтобы беспристрастно говорить об этом, никаких свидетельств, исходящих от самой Натальи Николаевны. Но П.Е. Щеголева это не смутило, и он принялся за дело. Хотя в письмах поэта он обнаружил ответы на постоянные ревнивые упреки жены, ученый поспешил объявить, что ее ревность «возникла не из душевных глубин». Это была лишь «оскорбленная гордость красивой женщины»⁷². Н.Н. Пушкина, утверждал П.Е. Щеголев, была к мужу совершенно равнодушна. «Да, Наталья Николаевна исправно несла свои супружеские обязанности, рожала мужу детей, ревновала, и при всем том

можно утверждать, что сердце ее не раскрылось, что страсть любви не пробудилась. В дремоте было сковано ее чувство. Любовь Пушкина не разбудила ни ее души, ни ее чувства»⁷³.

На основании чего же П. Е. Щеголев пришел к таким убийственным для Пушкина выводам? Увы, на основании «ничего». Просто-напросто П. Е. Щеголеву нужна была такая исходная точка, чтобы объяснить вначале «роман» с Дантесом, а потом и вызванную этим «романом» дуэль. Но, к сожалению, чем была вызвана дуэль, П. Е. Щеголев в действительности не знал, и поэтому «прилаживал» характеры действующих лиц, чтобы их поступки выглядели психологически мотивированными.

История «романа» Натали и Дантеса была представлена П. Е. Щеголевым в таком виде, что активнейшая роль в любовном поединке отводилась жене поэта. Ухаживания кавалергарда были «продолжительны и настойчивы». Встретили ли они «какой-либо отклик или остались безответными»?⁷⁴ Из фразы П. А. Вяземского о том, что Наталья Николаевна после получения Пушкиным анонимного пасквиля призналась «в легкомыслии и ветрености», П. Е. Щеголев заключил: она «увлеклась красивым и модным кавалергардом». Верный своему методу измерять силу чувств, П. Е. Щеголев счел необходимым точно определить, «как сильно было ее увлечение, до каких степеней страсти оно поднялось»⁷⁵.

Вообще-то и в этом случае, как и в случае измерений чувств по отношению к Пушкину, у П. Е. Щеголева не было никаких прямых свидетельств, исходящих непосредственно от Натальи Николаевны. Но это ученого ничуть не смутило. Исследователь пришел к категорическому заключению, что это «не было только данью легкомыслия и ветрености». Он выводил свое заключение из отношения Пушкиной к Дантесу после ноябрьской дуэльной истории, его странной помолвки и свадьбы с Екатериной Гончаровой. Пушкина, дескать, хорошо знала «гневный и страстный характер» своего мужа, видела, как он страдал и бесился в ноябре 1836 г., но легкомысленность и ветреность не только не исчезли навсегда. Пушкина по-прежнему проявляла много непосредственности и беспечности. «Ясно, кажется, что сила притяжения, исходившая от Дантеса, была слишком велика, и ее не ослабили ни страх перед мужем, ни боязнь сплетен, ни даже то, что чувственные симпатии Дантеса, до сих пор отдававшиеся ей всецело, оказались поделенными между ней и ее сестрой. Дантес взволновал Наталью Николаевну так, как ее еще никто не волновал... Любовный пламень, охвативший Дантеса, опалил ее, она, стыдливо-холодная красавица, пребывавшая выше мира и страстей, покоившаяся в сознании своей торжественной красоты, потеряла свое душевное равновесие и потянулась к ответу на чувство Дантеса, в конце концов, быть может, Дантес был как раз тем человеком, который был ей нужен. Ровесник по годам, по умственному уровню. Что греха таить: конечно, Дантес должен был быть для нее интереснее, чем Пушкин»⁷⁶. Констатировав, что сердца Дантеса и Пушкиной «с неудержимой силой влеклись

друг к другу», П. Е. Щеголев задался вопросом: «Кто же был прельстителем и кто завлеченным?» Основываясь на уже разобранным нами письме Геккер-на к К. В. Нессельроде, П. Е. Щеголев допускал, что «были, вероятно, моменты, когда в этом поединке флирта доминировала она, возбуждая и завлекая Дантеса все дальше и дальше по опасному пути»⁷⁷. Если поверить Геккерну в том, что он заставил Дантеса написать письмо Натали с отказом от видов, «то этот факт с письмом заставляет многое в истории Дантеса и Натальи Николаевны Пушкиной отнести на ее счет»⁷⁸.

П. Е. Щеголев старался создать у читателя впечатление, что Наталья Николаевна встречалась с Дантесом не только на светских вечерах и эти встречи происходили чуть ли не регулярно. «...были добровольцы, принявшие на себя эту гнусную обязанность»⁷⁹. «В. Ф. Вяземская, — писал пушкинист, — обвиняла Идалию Полетику в том, что она сводила Дантеса с Натальей Николаевной и предоставляла свою квартиру для свиданий»⁸⁰. П. Е. Щеголев прекрасно знал, что такая встреча имела место всего один раз и происходила совсем в ином контексте. Однако он намеренно никак не прокомментировал свидетельство В. Ф. Вяземской, а основывался на интерпретации этого рассказа П. И. Бартевым, записавшим вначале рассказ княгини Веры, а потом еще раз изложившим его так, словно речь шла не о единичном свидании, а о нескольких⁸¹. В таком же ключе П. Е. Щеголев трактовал сообщение В. Ф. Вяземской о том, что Е. Н. Гончарова была влюблена в Дантеса и «нарочно устраивала свидания своей сестры» с кавалергардом, чтобы только «в качестве наперсницы повидать лишний раз предмет своей страсти»⁸². У читателя создавалось впечатление, что Натали тайно встречалась с Дантесом чуть ли не каждый день.

Поведение Натальи Николаевны в ходе дуэльной истории, согласно П. Е. Щеголеву, было таково. После получения анонимного пасквиля Н. Н. Пушкина представила супругу ситуацию в искаженном виде. «Передавая мужу об ухаживаниях Дантеса», Наталья Николаевна «подчеркивала его навязчивость, а заодно указала и на то, что старый Геккерн старался склонить ее к измене своему долгу; о себе она призналась только в том, что по легкомыслию и ветренности слишком снисходительно относилась к приставаниям Дантеса»⁸³. То есть Наталья Николаевна скрыла от Пушкина свою активную, временами доминирующую роль в этом романе. Хотя Н. Н. Пушкина была неискренна, ей удалось убедить мужа в полной своей невиновности. После вызова «переполошилась... прежде всего Наталья Николаевна»⁸⁴, но сама она ничего сделать не могла. Излагая дуэльную историю, П. Е. Щеголев обошел молчанием данные, которые он сам же ввел в научный оборот, опубликовав документы, отражающие столкновение Пушкина и Дантеса. В письме П. А. Вяземского к великому князю Михаилу Павловичу, впервые обнародованном П. Е. Щеголевым на языке подлинника⁸⁵, содержалось одно важное свидетельство о поведении Натальи Николаевны в ходе ноябрьских переговоров. «Было бы слишком долго излагать... все лукавые происки молодого Геккерна во время этих переговоров. Приведу

только один пример. Геккерны старый и молодой, возымели дерзкое и подлое намерение попросить госпожу Пушкину написать молодому человеку письмо, в котором она умоляла бы его не драться с ее мужем. Разумеется, она отвергла с негодованием это низкое предложение»⁸⁶. Читая эти строки, П. Е. Щеголев должен был задаться вопросом: как же быть со «сладкой силой», которой якобы не могла противостоять Пушкина? Однако ученый предпочел проигнорировать это важное показание. Ведь оно свидетельствовало в пользу Натальи Николаевны. А такого рода сведения П. Е. Щеголев предпочитал не замечать.

В середине 1950-х гг. стал известен дневник М. И. Барятинской. В этом дневнике была обнаружена следующая запись, сделанная 22–23 октября 1836 г.: «...тамап через Тр[убецкого] узнала, что его (Дантеса. — М.С.) отвергла госпожа Пушкина»⁸⁷. Запись была сделана по-французски. М. И. Барятинская употребила глагол «gerousser»⁸⁸. Он, как известно, имеет много значений. М. Н. Ашукова-Зингер перевела этот глагол как «отвергла», т. е. как некий единовременный акт. Однако «gerousser» может означать «выдержать штурм, осаду, отразить атаку, успешно противостоять». Думается, что М. И. Барятинская имела в виду, что Н. Н. Пушкина выстояла и не поддалась настойчивым ухаживаниям Дантеса. Это полностью дезавуирует все, что написал П. Е. Щеголев о доминирующей роли Натальи Николаевны во флирте с Дантесом, о «сладкой силе» кавалергарда, увлекавшей жену поэта до ноябрьской истории и, что особенно важно, после нее.

Дальнейшее развитие событий представлялось П. Е. Щеголеву так. Причины, по которым Дантес решил вступить в брак с Е. Н. Гончаровой, остались Павлу Елисеевичу неясными. Поэтому он дал очень обтекаемое объяснение: «Решение Дантеса, как и большинство человеческих решений, не является следствием одного какого-либо мотива, и есть результат взаимодействия мотивов»⁸⁹. Дантес «был влюблен в Наталью Николаевну, желал ее, тянулся к ней через все препятствия, не останавливаясь и перед смертельной опасностью. После всего того, что случилось в ноябре, не удержался же он от соблазна новых сближений с ней в январе после свадьбы! Чего достиг он, объявляя о своих матримониальных намерениях и вступая в брак? Да, конечно, прежде всего, он мог иметь надежду, что его решение отведет гнев от главы Натальи Николаевны и охранит ее репутацию, ослабив светское злословие и светские сплетни. Но были еще и выгоды. Поединок оторвал, отдалил бы его навсегда от Пушкиной, а брак на ее сестре, наоборот приблизил бы, облегчил бы возможность встреч, сближений под покровом родственных отношений и чувств. Стоило только бракосочетанию свершиться, как Дантес сейчас же стал пользоваться такой возможностью»⁹⁰. Екатерина Гончарова его несколько не смущала, так как она была всецело в его власти. «А затем, как бы ни было сильно чувство любви Дантеса к Н. Н. Пушкиной, вылившееся, главным образом в стремление к обладанию, оно не исключало возможности любовных достижений у других женщин. И даже перед Натальей Николаевной Дантес мог бы выиграть своим

решением — она должна была оценить самоотвержение, с каким он бросился в кабалу. И такое рассуждение могло быть у Дантеса, когда он решил объявить свое намерение жениться на Екатерине Гончаровой»⁹¹.

После свадьбы отношения семей «участились, сделались, как кажется, легче, интимнее»⁹². И Дантеса, и Наталью Николаевну вновь неодолимо потянуло друг к другу. Частые встречи «раздразнили вновь его любовные стремления к Наталье Николаевне. Если он, из любви к Наталье Николаевне принес себя в жертву и женился на женщине, которая не была для него особенно желанной, то должен же он был вознаградить себя за воздержание и за жертву и добиться достижений. Он возобновил свои нападения на Наталью Николаевну, и любовная схватка началась. Пушкина так сильно потянулась к своему бо-фреру, что впечатления этой любви вытеснили из области ее памяти и сознания тяжелые ноябрьские воспоминания. Атмосфера сгустилась»⁹³.

П. Е. Щеголев вновь, как он уже это делал в первой своей работе, привел мнение П. А. Вяземского о легкомыслии и ветрености Пушкиной. Жена Пушкина, по мнению Щеголева, была виновата «в чрезмерном легкомыслии, в роковой самоуверенности и беспечности, при которых она не замечала той борьбы и тех мучений, какие выносил ее муж». Она рассказывала мужу о той игре, которую вел Дантес. «Само собой разумеется, в своих рассказах мужу Наталья Николаевна не выдвигала своей активности и, конечно, во всем винила Геккернов, в особенности старшего»⁹⁴. Поэту ее роль не казалась активной, он считал ее жертвой. Пушкин не считал увлечение Натальи Николаевны Дантесом искренним. Дантес же, играя в любовь, покушался на его репутацию.

В этой ситуации достаточно было капли, которая переполнила бы чашу терпения. Такой каплей и явилось тайное свидание в кавалергардских казармах, о котором самым подробным образом рассказала А. П. Арапова в своих записках⁹⁵.

А. П. Арапова была единственным человеком, кто связал тайное свидание и дуэль как причину и следствие. Никто из современников Пушкина никогда не утверждал ничего подобного. Это обстоятельство само по себе делало необходимым тщательнейшим образом проанализировать роль и место этого эпизода в записках А. П. Араповой, равно как и все сочинение дочери Натальи Николаевны на предмет его достоверности.

Воспоминания А. П. Араповой существовали в двух редакциях. Первая, краткая, была предназначена для С. А. Панчулидзева, биографа кавалергардов⁹⁶. Вторая, пространная, готовилась для печати и была опубликована в «Иллюстрированном приложении к газете “Новое время”». О том, что существуют две редакции, П. Е. Щеголеву было хорошо известно. Уже на второй странице своей книги он упоминает обстоятельную биографию Дантеса, составленную С. А. Панчулидзевым⁹⁷, в которой обильно цитировались записки А. П. Араповой. П. Е. Щеголев назвал эту редакцию «деловой», написанной сжато, «без художественных прикрас». Относительно второй, пространной, редакции Ще-

голев отозвался, что она «готова перейти из области мемуарной литературы в область беллетристики»⁹⁸.

Существование двух редакций записок открывало широкие возможности для объективного их исследования на предмет достоверности. Но ученый не только не сопоставил две редакции между собой, что сразу же сняло бы ряд существенных вопросов, а вообще уклонился от какого бы то ни было анализа этого источника. Павел Елисеевич вторую, беллетризованную редакцию положил в основу своей работы и ограничился лишь несколькими поверхностными замечаниями.

Зная, что сочинение А. П. Араповой изобилует нелепыми и вздорными выдумками, П. Е. Щеголев не побрезговал воспользоваться этими рассказами, потому что они давали мотивированное объяснение причин дуэли и представляли ему возможность выставить Наталью Николаевну чуть ли не убийцей собственного мужа. Он мотивировал свой выбор тем, что это пишет дочь о собственной матери и, дескать, поэтому она не стала бы придумывать такую напраслину⁹⁹. Отметим сразу же: более чем странная логика. Опытнейший пушкинист как бы не заметил, что в выдумках А. П. Араповой замечается определенная тенденция.

Поскольку в печати уже были оглашены факты, которые могли быть использованы для того, чтобы скомпрометировать Наталью Николаевну, дочь поставила перед собой задачу дать этим фактам такое толкование, которое «нейтрализовало» бы все подозрения на ее счет.

В 1888 г. П. И. Бартнев, издатель «Русского архива» обнародовал рассказы о Пушкине, записанные им со слов князя и княгини Вяземских. Среди этих рассказов был и такой: «Мадам NN по настоянию Геккерна пригласила Пушкину к себе, а сама уехала из дому. Пушкина рассказала княгине Вяземской и мужу, что, когда она осталась с глазу на глаз с Геккерном, тот вынул пистолет и грозил застрелиться, если она не отдаст ему себя. Пушкина не знала, куда ей деваться от его настояний; она ломала себе руки и стала говорить, как можно громче. По счастью, ничего не подозревающая дочь хозяйки явилась в комнату, и гостя бросилась к ней»¹⁰⁰.

Еще за год до публикации П. И. Бартнева А. П. Арапова обратилась к своей тетке Александре Фризенгоф (в девичестве Гончаровой) с просьбой рассказать историю гибели Пушкина. В ответ на эту просьбу муж Александрины барон Густав фон Фризенгоф записал воспоминания своей жены и в марте 1887 г. отправил их племяннице. Согласно рассказу Александрины, эпизод с «мадам NN» выглядел так: «Старый Геккерн написал вашей матери письмо, чтобы убедить ее оставить мужа и выйти за его приемного сына. Александрина вспоминает, что ваша мать отвечала на это решительным отказом, но она уже не помнит, было ли это сделано устно или письменно. Ваша мать получила однажды от господи Полетики приглашение посетить ее, и когда она (Н. Н. Пушкина) прибыла туда, то застала там Геккерна вместо хозяйки дома, бросившись перед ней

на колени, он заклинал ее о том же, что его приемный отец в своем письме. Она сказала жене моей, что это свидание длилось несколько минут, ибо, отказав не-медленно, она тотчас уехала»¹⁰¹.

От Г. Фризенгоф А. П. Арапова узнала имя таинственной «мадам NN». Ею оказалась жена подполковника Кавалергардского полка Идалия Григорьевна Полетика, побочная дочь графа Г. А. Строганова, троюродная сестра Н. Н. Пушкиной. А. П. Арапова понимала, что обнародованные П. И. Бартевым сведения ставили репутацию ее матери в довольно-таки щекотливое положение. Она вроде бы жертва. Но поведение в этом загадочном эпизоде Дантеса, обманом заманившего Пушкину в ловушку, грозившего застрелиться, если она не отдастся ему, никак не вязалось с образом благородного человека, отрицавшего какие-либо подозрения насчет их действительных отношений. А. П. Арапова не могла не сознавать, что, коль уж такой эпизод появился в печати, то он всегда будет источником самых различных предположений.

Можно лишь удивляться тому, что в своей публикации в «Историческом вестнике» 1905 г. П. Е. Щеголев не упомянул об этом тайном свидании. Ведь именно оно давало возможность Павлу Елисеевичу окончательно «утопить» репутацию Натальи Николаевны. Видимо, тогда П. Е. Щеголев просто-напросто упустил из вида сообщение В. Ф. Вяземской и не использовал блестящий шанс для компрометации жены Пушкина. А. П. Арапова же прекрасно понимала, что, если не П. Е. Щеголев, то кто-нибудь другой это обязательно сделает. Поэтому оставить этот факт без внимания было нельзя. Но чтобы нейтрализовать ситуацию, надо было так прокомментировать этот эпизод, чтобы не оставить никаких возможностей для сомнений. Это А. П. Арапова и сделала в своей работе.

Дочь Натальи Николаевны сочинила собственную конструкцию, сославшись на рассказы своей няни Констанции, якобы передававшей исповедь Пушкиной незадолго перед ее смертью. Нет никакого сомнения в том, что весь этот рассказ выдуман А. П. Араповой от начала до конца. Тему письма А. П. Арапова позаимствовала из рассказа Г. Фризенгофа, но дала ей такую интерпретацию.

Дантес, безумно влюбленный, но окончательно разочарованный в своих надеждах, написал Наталье Николаевне письмо — «воплъ отчаяния с первого до последнего слова». Цель письма — добиться во чтобы то ни стало свидания. «Он жаждал только возможности излить ей свою душу, переговорить только о некоторых вопросах, одинаково важных для обоих, заверял честью, что прибегает к ней единственно как к сестре жены и что ничем не оскорбит ее достоинства и чистоты». Письмо заканчивалось угрозой, что если она откажет ему в свидании, он покончит с собой, то же сделает и его жена Екатерина. Безумная «страсть которой заставит ее последовать его примеру... и, загубленные в угоду трусливому опасению, две молодые жизни вечным гнетом лягут на ее бесчувственную душу».

Наталья Николаевна, конечно же, не могла взять на душу такой грех. «За три года до смерти она призналась, что всегда допытывала свою совесть

и единственно в чем могла себя упрекнуть, так только в этом согласии на роковое свидание. Оно было столь же кратко, сколь невинно». Пушкину извиняет ее «неопытность на почве сострадания». Другими словами, она пошла на это, чтобы спасти от смерти Дантеса и его жену, но за такую доброту муж ее заплатил своей кровью, а она счастьем всей своей жизни.

Свидание состоялось в казармах Кавалергардского полка, на квартире Идалии Полетики. Оно не имело того значения, на которое рассчитывала Пушкина. Свидание оказалось уловкой влюбленного человека. Поняв это в первую же минуту, Пушкина возмутилась до глубины души и твердо заявила Дантесу, что останется навсегда глуха к его мольбам. После этого она немедленно уехала.

Через день Пушкин получил «зловредное извещение» от анонимного корреспондента, который ему уже присылал безымянные письма, о состоявшейся встрече. Пушкин принес письмо жене. Она рассказала все как есть. Тогда Пушкин послал Дантесу «вторичный вызов», следствием которого была дуэль¹⁰².

П. Е. Щеголев утверждал, что А. П. Арапова окружает свой рассказ «роем психологических и моральных соображений», но они не представляют никакого интереса, поэтому их следует отбросить. Тогда остается одно утверждение о факте свидания¹⁰³. «Да, на квартире у Идалии Полетики состоялось свидание с Натальей Николаевной». Сам факт подтверждается воспоминаниями В. Ф. Вяземской. Характерно, что Наталья Николаевна передавала мужу все пустые подробности своих отношений с Дантесом. Но на этот раз «не сочла нужным рассказать ему о столь выдающемся и компрометирующем событии, как свидание наедине с Дантесом», и Пушкин узнал о свидании только на другой день из анонимного письма. Это «умолчание», конечно, П. Е. Щеголев поставил в вину Пушкиной¹⁰⁴. Но при этом опять же ученый не пожелал заметить, что В. Ф. Вяземская утверждала: отбившись от Дантеса, Наталья Николаевна рассказала о происшедшем Пушкину¹⁰⁵. П. Е. Щеголев допустил, что свидание в казармах могло носить и не тот характер, «который стремилась придать ему Наталья Николаевна Пушкина», а «гораздо более обидный для ее женской чести». Но в любом случае «чаша терпения Пушкина была переполнена, и раздражению уже не могло быть положено предела»¹⁰⁶.

Принято считать, что «опровергнуть Арапову было некому», так как в тот момент, когда она опубликовала свое сочинение, уже не было в живых ни Александры, ни ее мужа¹⁰⁷. Высказывалось мнение, что П. Е. Щеголев ввел в научный оборот лишь гипотезу, которую «тогда еще нельзя было ни подтвердить, ни опровергнуть»¹⁰⁸. Между тем это совсем не так. Опровергнуть А. П. Арапову можно было уже тогда с помощью самой же А. П. Араповой...

Дело в том, что в том же 1908 г., когда сочинение Араповой увидело свет, историк кавалергардов С. А. Панчулидзеv опубликовал биографию Дантеса и в ней воспроизвел отрывки из ранней редакции этого опуса дочери Н. Н. Пушкиной, касающиеся свидания у И. Г. Полетики. И вот здесь в первоначальном варианте «фантазий» А. П. Араповой мы читаем буквально следующее: «Последнее

свидание Натальи Николаевны с Дантесом, уже женатом на сестре ее, состоялось в кавалергардских казармах у И. Г. Полетики... Она до самой смерти горько упрекала себя в опрометчивости этого шага, так как поддавалась уверениям Дантеса, что необходимо переговорить о важных семейных интересах, а о любви и помину не будет. Хотя он и сдержал свое слово, но враги Пушкина проведали об этом свидании и не преминули ему сообщить, и хотя он поверил ее объяснению, оно послужило последней роковой искрой, вызвавшей кровавую развязку. П. П. Ланской, в виду своих дружеских отношений к И. Полетике, по ее просьбе находился в это время у ней, чтобы предотвратить скандал в случае появления Пушкина»¹⁰⁹.

Как видим, первоначально встреча у И. Г. Полетики устраивалась для того, чтобы «переговорить... о семейных интересах», о любви же Дантес обещал не говорить и, что особенно важно, свое слово сдержал. В окончательном варианте свих записок А. П. Арапова придала этому свиданию совсем иной характер. Хотя Дантес обещал, что речь пойдет «о некоторых вопросах, одинаково важных для обоих» и клялся ничем не оскорбить «достоинства и чистоты» Натальи Николаевны, свидание оказалось «уловкой влюбленного человека». Именно поэтому Пушкина возмутилась, заявила, что останется глуха к его мольбам и тотчас уехала¹¹⁰.

Пожалуй, самое примечательное в рассказе А. П. Араповой то, что в это повествование она ввела своего будущего отца П. П. Ланского. По ее словам, он был влюблен в И. Г. Полетику. Она же, чтобы предотвратить нежелательные последствия, якобы посвятила его в тайну свидания и попросила под видом прогулки около кавалергардских казарм зорко следить за всякою подозрительною личностью, что он и исполнил. «Рой моральных и этических соображений» А. П. Араповой¹¹¹, от которого П. Е. Щеголев отмахнулся, как от назойливой мухи, в действительности многое может объяснить. Очень важно следующее лирическое отступление А. П. Араповой: «Всякое странное явление в жизни так удобно обозвать случаем». Но сама А. П. Арапова увидела «перст Божий в выборе Италией Полетикой того человека, который, будучи равнодушным свидетелем происходящего события, наглядно доказал, до какой степени свидание, наложившее незаслуженное пятно на репутацию матери, было, в сущности, невинно и не могло затронуть ее женской чести»¹¹². Затем А. П. Арапова поместила длинное и нудное рассуждение о том, как вся семья Ланских была воспитана в традициях строжайшей нравственности. Далее следует самый важный вывод, ради которого придуман весь эпизод с П. П. Ланским: «Подобные унаследованные отцом воззрения служат лучшей порукой, что семь лет спустя, он никогда не решился бы дать свое безупречное имя женщине, в чистоту которой он не верил бы так же безусловно, как в святость Бога»¹¹³. Можно ли сомневаться в том, что П. П. Ланской введен в эпизод А. П. Араповой для того, чтобы еще раз удостоверить невинность Н. Н. Пушкиной? Нет ничего удивительного в том, что в 1963 г. М. И. Яшин, изучив приказы по Кавалергардскому полку,

где служил П. П. Ланской, установил, что в этот период будущего мужа Пушкиной вообще не было в Петербурге. С 19 октября 1836 по 19 февраля 1837 г. он находился в Черниговской и Могилевской губерниях, где следил за набором рекрутов¹¹⁴. Не может не вызвать улыбку и то, как нелепо в эпизод введен П. П. Ланской. Первоначально он находился в самой квартире И. Г. Полетики для того, чтобы предотвратить скандал в случае внезапного появления Пушкина. Определенно с выдумкой у А. П. Араповой было не все в порядке. Очевидно, почувствовав всю нелепость придуманной ей ситуации, дочь П. П. Ланского впоследствии решила поместить своего отца прогуливаться перед казармами, чтобы наблюдать «за всякой подозрительной личностью».

Единственный вывод, который можно сделать в результате сопоставления двух редакций сочинения А. П. Араповой, состоит в том, что мать ее никогда не рассказывала ей о гибели Пушкина и ни одному слову дочери Натальи Николаевны верить нельзя. Сама же А. П. Арапова была настолько исследовательски несостоятельна, что, изучая литературу, не могла уяснить себе, что Пушкин не вызывал Дантеса на дуэль. Он написал оскорбительное письмо Геккерн-отцу¹¹⁵, тогда Дантес вызвал Пушкина¹¹⁶. Стыдно было дочери Натальи Николаевны не знать того, что было в ее время известно каждому гимназисту. Тем более не пристало маститому ученому повторять слова невежественной дочери Натальи Николаевны. Ученому следовало бы только сопоставить между собой оба фрагмента двух редакции записок А. П. Араповой, где речь шла о пресловутом свидании у И. Г. Полетики, и тогда вопрос о том, можно ли пользоваться «воспоминаниями» дочери Натальи Николаевны, отпал бы сам собой. Но такой вывод никоим образом не устраивал П. Е. Щеголева. Более того, он разрушал всю здание, которое ученый возводил на предвзятых посылах. Поэтому ученый занялся поисками дополнительных аргументов в пользу безоговорочного обвинения жены Пушкина.

Доказательство вины Натальи Николаевны П. Е. Щеголев усматривал еще в следующих обстоятельствах. П. А. Осипова на просьбу А. И. Тургенева¹¹⁷ сообщить известные ей от дочери со слов самого Пушкина подробности дуэльной истории ответила молчанием¹¹⁸. Причину этого П. Е. Щеголев видел в том, что ее сообщение не соответствовало той версии, которую распространяли друзья поэта, версии, тщательно умалчивающей «об интимных событиях в семье Пушкина». Неприязнь семейства Осиповых к Наталье Николаевне, по мнению П. Е. Щеголева, являлась «лишь косвенным свидетельством о степени прикосновенности Натальи Николаевны к трагическим событиям, преждевременно лишившим нас Пушкина»¹¹⁹. Таким же «косвенным доказательством может послужить»¹²⁰ то, что память Пушкина не чтит в семье Гончаровых. Родственники переписывались с Екатериной Николаевной и ее мужем, поведение которого «не встречало с их стороны отрицательной оценки». Сама же Наталья Николаевна не писала семейству Геккернов лишь потому, что боялась «скомпрометировать себя в свете»¹²¹. Еще одно косвенное

доказательство против Натальи Николаевны П. Е. Щеголев по-прежнему видел в весьма категорическом указании Геккерна-старшего, который в письме к К. В. Нессельроде возложил на жену Пушкина ответственность за случившееся. Павел Елисеевич пустил в ход также и свидетельство самого Дантеса, который «не считал себя виновным и утверждал, что доказательства его невиновности находятся в руках Натальи Николаевны». Этих заявлений Дантеса и Геккерна «нельзя не оценивать», утверждал П. Е. Щеголев¹²². Так под пером П. Е. Щеголева Наталья Николаевна превратилась чуть ли не в невольного убийцу своего мужа.

Павел Елисеевич имел авторитет виднейшего пушкиниста. Именно он разыскал и ввел в научный оборот важнейшие архивные документы, объясняющие историю дуэли Пушкина с Дантесом¹²³. Это придавало особый вес его построениям, создавало иллюзию строгой научной аргументированности всего, что он писал. Ученый обладал редким искусством придавать предвзятым и надуманным конструкциям форму объективного исследования. Щеголев очень умело прятал от зоркого глаза собратьев по ремеслу вопиющие противоречия своих построений, им самим, однако, прекрасно осознаваемые. П. Е. Щеголев виртуозно владел пером. Он был мастером популярного изложения. Это способствовало распространению его работ в самых широких читательских кругах. Более полувека веское слово П. Е. Щеголева многое значило для читающей публики, особенно той, которая верит всему, что написано, не размышляя. Сознательная дискредитация Натальи Николаевны Павлом Елисеевичем дала обильные всходы в советское время.

Своим авторитетом П. Е. Щеголев освятил схему, созданную А. П. Араповой: тайное свидание — анонимное письмо — дуэль и направил исследователей, стремящихся разгадать тайну гибели Пушкина, блуждать по неверному пути. А между тем совершенно очевидно, что Щеголев не только преднамеренно сделал Наталью Николаевну козлом отпущения, но самую историю дуэли, главной виновницей которой, по его версии, была легкомысленная Пушкина, представил читателям в искаженном виде. Ведь по сути дела Павел Елисеевич так и не знал причины январского поединка Пушкина с Дантесом и не хотел в этом откровенно признаться. Впрочем, такое признание было бы равносильно почти что росписи в собственной исследовательской несостоятельности.

П. Е. Щеголеву, несомненно, были известны все изъяны и логические противоречия его концепции дуэльной истории. Это стало совершенно очевидно в 1928 г., когда он выпустил третье издание своей книги¹²⁴. Всеми правдами и неправдами П. Е. Щеголев теперь хотел сделать царя виновником гибели Пушкина. Таков был социальный заказ. Не случайно историки литературы в конце 1920-х годов наперебой стремились доказать, что Пушкина погубил Николай I¹²⁵. Щеголев был одним из первых, кто на этот заказ откликнулся. Но, как и в случае с обвинениями Натальи Николаевны, им же самим во многом опровергнутыми, ученый не искал истину, а следовал предвзятой идее.

В этом третьем, советском издании П. Е. Щеголев существенно переработал свою концепцию и, чтобы ее обосновать, в значительной степени дезавуировал написанное им ранее. Подобно тому, как это ранее сделала А. П. Арапова, П. Е. Щеголев сам себя и опроверг.

Первоначально, в первом и втором изданиях, суть дуэльных событий представлялась Щеголеву в следующем виде. Дантес открыто ухаживал за Натальей Николаевной. Кто-то подбросил пасквиль, намекавший на ухаживания кавалергарда¹²⁶. Пушкин вызвал Дантеса на дуэль. Дантес посредством женитьбы сумел избежать поединка. Пушкин пришел к убеждению, что автором пасквиля был Геккерн¹²⁷. Поэтому после сватовства кавалергарда поэт решил нанести свой главный удар по дипломату, «уничтожить его репутацию в прах»¹²⁸. Пушкин задумал план публичной дискредитации Геккерна. Но осуществить свой план ему не удалось. Однако у Пушкина «создалось не покидавшее его глубокое убеждение в том, что главный его оскорбитель Геккерн-старший, а Геккерн-младший — лицо второстепенное»¹²⁹.

К сожалению, П. Е. Щеголев обошел полным молчанием очень важный вопрос: был ли Геккерн автором пасквиля в действительности и, если был, то для чего ему было нужно подбрасывать диплом, угрожавший его дипломатическому статусу и военной карьере Дантеса¹³⁰. Не сумел объяснить ученый и того, почему в представлении Пушкина Геккерн был его главным оскорбителем. В чем конкретно состоял план Пушкина по дискредитации Геккернов, П. Е. Щеголев также не знал. Он лишь отметил, что история письма А. Х. Бенкендорфу, где Пушкин изложил свою версию дуэльной истории, «загадочна», «весьма сомнительна и неясна»¹³¹. При этом ученый резонно поставил под сомнение записанный П. И. Бартевым рассказ П. А. Вяземского о том, что Пушкин этим письмом через шефа жандармов уведомлял царя о предстоящем поединке. Но что в действительности стояло за этим письмом, П. Е. Щеголев не знал. Осталось без всякого объяснения, какое место в дуэльной истории занимало письмо Дантеса с отказом от видов на нее, которое Геккерн вручил в собственные руки Наталье Николаевне. Когда и отчего это произошло? Почему Пушкин в январе, после того как узнал от доброжелателя о свидании Дантеса и Натальи Николаевны у И. Г. Полетики, написал оскорбительное письмо не Дантесу, а Геккерну, П. Е. Щеголев объяснить не мог¹³². Это тем более требовало объяснения, если принять во внимание, что, по мнению П. Е. Щеголева, в январе Пушкин уже не считал Геккерна автором пасквиля. Сравнивая черновик неотправленного ноябрьского письма Пушкина Геккерну с январским, доставленным по назначению, исследователь подчеркнул, что «в беловом не осталось даже намек на это важное обстоятельство. Важное отличие, указывающее, по нашему мнению, — писал ученый, — на то, что полной и решительной, основанной на фактах и могущей быть доказанной уверенности в авторстве Геккерна у Пушкина не было»¹³³. Тем более оставалось непонятным, почему тогда Пушкин написал все же письмо Геккерну.

Но П. Е. Щеголев предпочитал не заострять внимание читателей на этих важнейших вопросах.

Насколько несостоятельны были эти построения, сам же П. Е. Щеголев показал в третьем издании своей книги. Теперь он огласил то, что ему было ясно и ранее, но о чем он прежде предпочитал умалчивать. П. Е. Щеголев подчеркнул, что обвинения Геккерна в авторстве пасквиля идут от Пушкина. Но «это обвинение страдает психологической неувязкой, пока мы думаем, что пасквиль метил в Наталью Николаевну и Дантеса»¹³⁴. Если бы Пушкин считал, что диплом рогоносца открывал ему глаза на Дантеса, «то он послал бы вызов ему, но не стал бы искать автора или соучастника пасквиля в Геккерне, потому что доводы порядка — и логического и психологического — не позволили бы ему прийти к заключению об участии Геккерна в фабрикации пасквиля... Самая мысль о причастности Геккерна к фабрикации пасквиля находится в антагонизме с утверждением, что пасквиль направлен в Дантеса Геккерном»¹³⁵. Пушкин же «с момента получения пасквиля и до самой смерти был крепко убежден насчет Геккерна»¹³⁶.

Особенно показательно следующее признание П. Е. Щеголева: «История второго январского вызова, расследованная нами, возлагает всю вину за вторичное столкновение всецело на Дантеса и отводит Геккерну роль сравнительно незначительную. Одураченный жених поневоле и муж по принуждению с трудом мирился с положением. Он добросовестно выполнял обязанности мужа Катерины Николаевны, но красота сестры по-прежнему волновала и будила несытые желания. И что же? Пушкин шлет вызов, но кому...? Посланнику Геккерну. До Пушкина доходят слухи, что Дантес, только что ожившийся, добивается свидания с Натальей Николаевной и Пушкин вызывает... Геккерна»¹³⁷.

Трудно не признать эти замечания П. Е. Щеголева резонными. Но они не оставляют камня на камне от его прежних построений, перечеркивают все, что он написал раньше. Теперь у П. Е. Щеголева иная концепция. Для ее обоснования он не останавливается перед тем, чтобы признать, что его прежние построения противоречат здравому смыслу. Это отречение понадобилось ученому для того, чтобы доказать, что пасквиль содержал намек на Николая I. При такой интерпретации становилось более похожим на правду то, что пасквиль подбросил Геккерн.

Теперь дуэльная история предстала в новом варианте. «Наталья Николаевна была увлечена серьезнее, чем Дантес, если вообще можно говорить о серьезности: доминировал в любовном поединке Дантес: его искали больше, чем искал он сам»¹³⁸. Их же «роман» в последней интерпретации перо П. Е. Щеголева обрисовало следующим образом: «...частые записочки, рукопожатия, обнимания, поцелуи» — вещи вполне обыкновенные в пушкинские времена¹³⁹. Показаниям А. В. Трубецкого на этот счет вполне можно довериться. Ведь, по словам П. Е. Щеголева, об обмене записками есть указания в военно-судном деле и в письмах Я. Геккерна и К. В. Нессельроде¹⁴⁰. (На самом же деле в этих доку-

ментах речь идет не об обмене записочками, а только о том, что Дантес писал их Пушкиной¹⁴¹. А это не одно и то же.)

Сама же предыстория дуэли представлялась П. Е. Щеголеву так. Однажды Дантес и Наталья Николаевна были застигнуты поэтом. Пушкина объяснила свое «интимничанье» тем, что Дантес намерен сделать предложение ее сестре. Об этой своей уловке, объясняющей свидание, она сообщила Дантесу. Кавалергарду волей-неволей приходилось жениться¹⁴². Но Геккерн не хотел смириться с такой перспективой и подбросил Пушкину пасквиль с намеком на царя Николая. Этим маневром опытный дипломат хотел отвести внимание Пушкина от Дантеса и расстроить неизбежный брак. Вот только как пасквиль с намеком на царя мог расстроить брак Дантеса и Екатерины Гончаровой, П. Е. Щеголев не объяснил, да и не мог объяснить. Потому что это необъяснимо.

Пушкин, согласно П. Е. Щеголеву, разгадал игру Геккерна, понял, куда была направлена стрела. На нападение он ответил двумя ударами. Вызвал Дантеса и готовил публичный скандал Геккерну¹⁴³. Осталось непонятным, почему Пушкин решил вызвать к барберу жениха своей свояченицы, если поэт знал, что пасквиль — дело рук Геккерна. Ведь в таком случае именно его и надо было вызвать на дуэль. П. Е. Щеголев утверждал, что Пушкин желал привлечь высочайшее внимание к пасквилю и тем самым нанести удар не только дипломату, но и самому царю. Реализовать план дискредитации посланника Пушкину не удалось, но «чувство единой ненависти» к Геккерну «по-прежнему разрывало сердце Пушкина». Именно поэтому в январе поэт адресовал свое оскорбительное письмо Геккерну. Правда, ранее П. Е. Щеголев утверждал, что в январском письме, в отличие от ноябрьского, не осталось и следа от уверенности Пушкина в авторстве Геккерна. Теперь ученому пришлось изменить свое мнение на прямо противоположное: дескать, хотя Пушкин прямо не обвинял Геккерна в составлении пасквиля, тем не менее, как свидетельствовал П. А. Вяземский, умер с этой уверенностью¹⁴⁴. «Только по глубокому убеждению в том, что вина за ноябрьский диплом рогоносца по царственной линии лежит всецело на Геккерне, Пушкин в январе отправил вызов не Дантесу, а Геккерну»¹⁴⁵, — утверждал П. Е. Щеголев, совсем забыв, подобно А. П. Араповой, что Пушкин никакого вызова в январе не посылал.

В таком варианте дуэльной истории, столь же противоречивом, как и прежний, если не более, опять же кругом виновата оказывалась Наталья Николаевна. П. Е. Щеголев утверждал: друзья Пушкина объясняли дело ухаживаниями Дантеса за Натальей Николаевной и в то же время твердили о тайне в деле Пушкина. «Тайной и была прикосновенность к этому делу Николая Павловича Романова». Приоткрывать тайну было небезопасно, но друзья не делали этого еще во имя сохранения чести Натальи Николаевны, «и в этом они преуспели», — патетически заключил П. Е. Щеголев¹⁴⁶. Павел Елисеевич особо подчеркнул, что не надо искать данных, «удостоверяющих факт интимных отношений царя и жены поэта». Следует лишь поставить вопрос, могли ли быть

основания для подобного намека. «Оснований к такому намеку было не меньше, чем, например, к намеку на близкие отношения Дантеса и Натальи Николаевны Пушкиной»¹⁴⁷.

После такого заявления читатель невольно должен был поставить на место Дантеса царя Николая и мысленно представить, как Пушкину тянула к императору «некая сладкая сила», как она доминировала в этом флирте, завлекая свою жертву все дальше и дальше по опасному пути.

В этой ситуации Наталья Николаевна выглядела еще гнуснее, чем в случае с Дантесом. Любовный роман с императором подозрителен, искренность увлечения всегда ставится под сомнение. Императора любить нельзя, императором можно лишь пользоваться. Теперь в Наталью Николаевну можно было бросить одним камнем больше. Но от истины это уводило еще дальше.

«*Ame de dentelles*» — «кружевная душа». Так называли Наталью Николаевну после смерти Пушкина¹⁴⁸. Если под этим понимать человека, который во главу угла поставил светскую жизнь со всеми ее неизбежными атрибутами, т. е. принесшего идеалы высокой духовности в жертву мишуре материального мира, то, распутывая кружево пушкинских построений П. Е. Щеголева, не следует ли признать, что «кружевной душой» в большой степени был сам Павел Елисеевич, нежели Наталья Николаевна, хотя, по-видимому, нарядями он и не увлекался?

¹ Стихотворение неизвестного на смерть Пушкина // Пушкин и его современники. Вып. XXI–XXII. Пг., 1915. С. 401–402.

² Щеголев П.Е. Дуэль и смерть Пушкина. СПб., 1999 (далее — Щеголев 1999). Об этом издании см: Сафонов М.М. Гости на пороге, или Последняя дуэль поэта по П.Е. Щеголеву // Вечерний Петербург. 2000. 14 октября.

³ Левкович Я.Л. Щеголев и его книга «Дуэль и смерть Пушкина» // Щеголев 1999. С. 6.

⁴ Щеголев 1999. С. 124.

⁵ Щеголев П.Е. Дуэль Пушкина с Дантесом. (Новые материалы) // Исторический вестник (далее — ИВ) 1905. Январь; март; апрель.

⁶ Щеголев П.Е. Дуэль Пушкина с Дантесом // ИВ. 1905. Январь. С. 173.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 174.

⁹ Первая глава исследования так и была названа П.Е. Щеголевым «Князь Петр Вяземский о дуэли Пушкина» (Щеголев 1999. С. 173–185).

¹⁰ Вторая глава носила название «Барон Людвиг Геккерн и Жорж Дантес» (Щеголев 1999. Март. С. 943–972).

¹¹ Там же. С. 943.

¹² Там же. С. 947.

¹³ Сафонов М.М. Смерть поэта — жизнь легенды // Смена. 1997. 21, 18 октября.

¹⁴ Щеголев П.Е. Пушкин: Очерки. СПб., 1912. С. 307–411.

¹⁵ Щеголев П.Е. Дуэль и смерть Пушкина: Исследования и материалы // Пушкин и его современники. Вып. XXV–XXVII. Пг., 1916 (далее — Щеголев 1916).

- ¹⁶ Щеголев П.Е. Дуэль и смерть Пушкина: Исследования и материалы. Пг. 1917 (далее — Щеголев 1917).
- ¹⁷ Щеголев 1916. С. 13; Щеголев 1917. С. 22–23.
- ¹⁸ Рассказ князя Трубецкого об отношениях Пушкина к Дантесу // Щеголев 1999. С. 389.
- ¹⁹ Щеголев 1916. С. 315; Щеголев 1917. С. 400.
- ²⁰ Щеголев 1916. С. 62; Щеголев 1917. С. 62.
- ²¹ Щеголев П.Е. Дуэль и смерть Пушкина: Исследования и материалы. Л., 1928 (далее — Щеголев 1928). С. 448. Все ссылки на эту книгу даются параллельно с пятым изданием 1999 г., повторяющим авторский текст исследования П.Е. Щеголева «История последней дуэли Пушкина 4 ноября 1836 года — 27 января 1837 года». Щеголев 1999. С. 416.
- ²² Щеголев 1928. С. 472; Щеголев 1999. С. 437.
- ²³ Щеголев 1928. С. 515; Щеголев 1999. С. 475. См. подробно: Сафонов М.М. Пушкины в переписке Геккерн и Дантеса: мифы и реальность // Россия и Нидерланды в XVIII–XX вв.: новые исследования и актуальные проблемы: Материалы международной научной конференции (Институт всеобщей истории РАН, 15–16 мая 2013 г.). М., 2014. С. 255–287.
- ²⁴ Щеголев П.Е. Дуэль Пушкина с Дантесом. (Новые материалы) // ИВ. 1905. Январь. С. 174–175.
- ²⁵ Письмо князя П.А. Вяземского к великому князю Михаилу Павловичу от 14 февраля 1837 года // Щеголев 1999. С. 242.
- ²⁶ Щеголев П.Е. Дуэль Пушкина с Дантесом. (Новые материалы) // ИВ. 1905. Январь. С. 184.
- ²⁷ П.А. Вяземский — А.Я. Булгакову 5, 6, 10 февраля 1837 года // Русский архив. 1879. № 6. С. 243–247, 253–254.
- ²⁸ Дуэль Пушкина с Дантесом: Подлинное военно-судное дело. 1837. СПб., 1900. С. 46, 47, 142.
- ²⁹ Сафонов М.М. Смерть поэта — жизнь легенды // Смена. 1997. 21, 18 октября.
- ³⁰ Щеголев П.Е. Дуэль Пушкина с Дантесом. (Новые материалы) // ИВ. 1905. Апрель. С. 196.
- ³¹ Там же. С. 197.
- ³² Николай I — великому князю Михаилу Павловичу 3 февраля 1837 г. // Русская старина. 1902. № 5. С. 225–226.
- ³³ Щеголев П.Е. Дуэль Пушкина с Дантесом. (Новые материалы) // ИВ. 1905. Март. С. 945.
- ³⁴ Там же. Апрель. С. 197.
- ³⁵ Я. Геккерн — К.В. Нессельроде 1/13 марта 1837 г. // Щеголев 1999. С. 296–298.
- ³⁶ Щеголев П.Е. Дуэль Пушкина с Дантесом. (Новые материалы) // ИВ. 1905. Январь. С. 197.
- ³⁷ П.А. Вяземский — А.И. Булгакову 8 апреля 1837 г. // Русский архив. 1879. № 6. С. 255.
- ³⁸ Поляков А.С. О смерти Пушкина. Пг., 1922. С. 26–27.
- ³⁹ Ж. Дантес — А.И. Бреверну 26 января 1837 г. // Щеголев 1999. С. 292.
- ⁴⁰ Я. Геккерн — К.В. Нессельроде 1/13 марта 1837 г. // Щеголев 1999. С. 296.
- ⁴¹ Там же. С. 296–297.
- ⁴² Щеголев 1916. С. 62.
- ⁴³ А.С. Пушкин — Я. Геккерну 26 января 1837 г. // Пушкин А.С. Письма последних лет. 1834–1837. Л., 1969. С. 183–184.
- ⁴⁴ Я. Геккерн — К.В. Нессельроде 1/13 марта 1837 г. // Щеголев 1999. С. 297.
- ⁴⁵ Щеголев П.Е. Дуэль Пушкина с Дантесом. (Новые материалы) // ИВ. 1905. Апрель. С. 197.
- ⁴⁶ Там же. С. 199.
- ⁴⁷ Там же. С. 199–200.
- ⁴⁸ Письмо князя П.А. Вяземского к великому князю Михаилу Павловичу от 14 февраля 1837 года // Щеголев 1999. С. 242.
- ⁴⁹ Щеголев П.Е. Дуэль Пушкина с Дантесом. (Новые материалы) // ИВ. 1905. Апрель. С. 200.

- ⁵⁰ Я. Геккерн — А.Ф. Орлову 5 марта 1837 г // Trouat H. Pouchkine. [Paris], 1946. Vol. II. P. 474–475; Звенья. Сборник материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX–XX вв. Вып. IX. М.; Л., 1951. С. 183.
- ⁵¹ Щеголев 1916. С. XIX.
- ⁵² Там же. С. XIX–XX.
- ⁵³ Записки А.О. Смирновой. Ч. 1–2. СПб., 1895–1897.
- ⁵⁴ Павлицев Л.Н. 1) Из семейной хроники: Воспоминания об А.С. Пушкине. М., 1890; 2) Кончина А.С. Пушкина. СПб., 1899.
- ⁵⁵ Арапова А.П. 1) Наталья Николаевна Пушкина-Ланская // Иллюстрированное приложение к газете «Новое время» (далее — ИП). 1907. 12, 19, 22, 29 декабря; 1908. 2, 9 января; 2) Наталья Николаевна Пушкина-Ланская: К семейной хронике жены А.С.Пушкина. М., 1994.
- ⁵⁶ Щеголев 1916. С. 57.
- ⁵⁷ Щеголев 1916. С. 40.
- ⁵⁸ Щеголев П.Е. Дуэль Пушкина с Дантесом. (Новые материалы) // ИВ. 1905. Апрель. С. 199.
- ⁵⁹ Арапова А.П. Наталья Николаевна Пушкина-Ланская // ИП. 1907. 12 декабря.
- ⁶⁰ Щеголев 1916. С. 331.
- ⁶¹ Щеголев 1916. С. 134–137.
- ⁶² Щеголев П.Е. Дуэль Пушкина с Дантесом // Исторический вестник. 1905. Январь. С. 172.
- ⁶³ Там же. С. 174.
- ⁶⁴ Щеголев 1916. С. 31.
- ⁶⁵ Там же. С. 37.
- ⁶⁶ А.С. Пушкин — Н.Н. Пушкиной 21 августа 1833 г. // Пушкин А.С. Письма к жене. Л., 1986. С. 36.
- ⁶⁷ Щеголев 1916. С. 37.
- ⁶⁸ Там же. С. 38–39.
- ⁶⁹ Пушкин А.С. Дневник 1833–1835 // Пушкин А.С. Дневники: Автобиографическая проза. М., 1989.
- ⁷⁰ Щеголев 1916. С. 41.
- ⁷¹ Там же. С. 46.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ Там же. С. 48–49.
- ⁷⁴ Там же. С. 57.
- ⁷⁵ Там же. С. 58.
- ⁷⁶ Там же. С. 59. См. подробно: Сафонов М.М. Существует ли тайна Жоржа Дантеса? // Петербургский исторический журнал. 2015. № 1. С. 286–305.
- ⁷⁷ Там же. С. 60.
- ⁷⁸ Там же. С. 63.
- ⁷⁹ Там же. С. 66.
- ⁸⁰ Там же. С. 67.
- ⁸¹ Из рассказов князя Петра Андреевича и княгини Веры Федоровны Вяземских. (Записано в разное время с позволения обоих) // Русский архив. 1888. № 7. С. 310; 1908. № 10. С. 295; 1911. № 1. С. 176; 1912. № 2. С. 159–160.
- ⁸² Щеголев 1916. С. 67.
- ⁸³ Там же. С. 71.
- ⁸⁴ Там же. С. 74.
- ⁸⁵ Письмо князя П.А. Вяземского к великому князю Михаилу Павловичу от 14 февраля 1837 года // Щеголев 1916. С. 140–154.
- ⁸⁶ Там же. С. 143; в русском переводе опущено важное указание на то, что Геккерны требовали у Пушкиной написать такое письмо «secrètement», т. е. «тайно» (Щеголев 1999. С. 244).

- ⁸⁷ Андроников И.Л. Тагильская находка // Новый мир. 1956. № 1. С. 177; Яшин М.И. Хроника преддуэльных дней // Звезда. 1963. № 8. С. 164, 172–173; Абрамович С.Л. Пушкин в 1836 году (Предыстория последней дуэли). Л., 1989. С. 64.
- ⁸⁸ РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. № 8. 64 — 64 об.; Герштейн Э. Г. К истории смертельной дуэли Пушкина. (Критические заметки) // Лица. Биографический альманах. М.; СПб., 1995. С. 153.
- ⁸⁹ Щеголев 1916. С. 81.
- ⁹⁰ Там же. С. 81–82.
- ⁹¹ Там же. С. 82.
- ⁹² Там же. С. 124.
- ⁹³ Там же. С. 127.
- ⁹⁴ Там же. С. 130.
- ⁹⁵ Арапова А.П. Наталья Николаевна Пушкина-Ланская // ИП. 1908. 2 января. См. подробно: Сафонов М.М. Пресловутое рандеву // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 29. СПб., 2004. С. 284–314.
- ⁹⁶ Панчулидзе С.А. Сборник биографий кавалергардов: 1826–1908. СПб., 1908. С. 82.
- ⁹⁷ Щеголев 1916. С. 2.
- ⁹⁸ Там же. С. 11.
- ⁹⁹ Там же. С. 134.
- ¹⁰⁰ Из рассказов князя Петра Андреевича и княгини Веры Федоровны Вяземских. С. 310.
- ¹⁰¹ Г. Фризенгоф — А.П. Араповой 14/26 марта 1887 г. // Гроссман Л.П. Цех пера. М., 1930. С. 267.
- ¹⁰² Арапова А.П. Наталья Николаевна Пушкина-Ланская // ИП. 1908. 2 января.
- ¹⁰³ Щеголев 1916. С. 136.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 137.
- ¹⁰⁵ Из рассказов князя Петра Андреевича и княгини Веры Федоровны Вяземских. С. 310.
- ¹⁰⁶ Щеголев 1916. С. 137.
- ¹⁰⁷ Абрамович С.Л. Пушкин в 1836 году. (Предыстория последней дуэли). С. 72.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 69, 71.
- ¹⁰⁹ Панчулидзе С.А. Сборник биографий кавалергардов: 1826–1908. С. 82.
- ¹¹⁰ Арапова А.П. Наталья Николаевна Пушкина-Ланская // ИП. 1908. 2 января.
- ¹¹¹ Щеголев 1916. С. 136.
- ¹¹² Арапова А.П. Наталья Николаевна Пушкина-Ланская // ИП. 1908. 2 января.
- ¹¹³ Там же.
- ¹¹⁴ Яшин М.И. Хроника преддуэльных дней // Звезда. 1963. № 9. С. 174.
- ¹¹⁵ А.С. Пушкин — Я. Геккерну 26 января 1837 г. // Пушкин А.С. Письма последних лет. 1834–1837. Л., 1969. С. 183–184.
- ¹¹⁶ Я. Геккерн — А.С. Пушкину [26 января 1837 г.] // Аммосов А.Н. Последние дни жизни и кончина А. С. Пушкина. СПб., 1869. С. 53.
- ¹¹⁷ А.И. Тургенев — П.А. Осиповой 24 февраля 1837 г. // Пушкин и его современники. Вып. I. СПб., 1903. С. 59.
- ¹¹⁸ Попова Н.И. Неопубликованное письмо П.А. Осиповой к А.И. Тургеневу // Пушкин. Исследования и материалы. Т. IV. М.; Л., 1962. С. 366–370.
- ¹¹⁹ Щеголев 1916. С. 139.
- ¹²⁰ Там же. С. 140.
- ¹²¹ Там же. С. 141.
- ¹²² Там же. С. 143.
- ¹²³ Там же. С. XVII–XIX; Левкович Я.Л. Щеголев и его книга «Дуэль и смерть Пушкина». С. 6–9.
- ¹²⁴ Щеголев П.Е. Дуэль и смерть Пушкина. Л., 1928.
- ¹²⁵ «К одинаковому со мной мнению одновременно, но независимо от моих изысканий, — писал П.Е. Щеголев, — пришел и П.Е. Рейнбот. Его взгляд прокламировал и поддерживал М.А. Цявловский в своем докладе на пушкинском вечере в феврале месяце в день

- годовщины смерти, в Москве» (Щеголев 1999. С. 436; *Казанский Б.В.* 1) Гибель Пушкина // Звезда. 1928. № 1. С. 102–117; 2) Письмо Пушкина Геккерну // Звенья. Сборник материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX–XX вв. Т. VI. М.; Л., 1936. С. 68; 3) Гибель поэта // Литературный современник. 1937. № 3. С. 219–243).
- ¹²⁶ См. подробно: *Сафонов М.М.* Капитул российских орденов в дуэльной истории Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 30. М., 2005. С. 288–295.
- ¹²⁷ См. подробно: *Сафонов М.М.* Анонимный пасквиль А.С. Пушкину и Мальтийский орден // Рыцари Мальтийского креста. СПб., 2006. С. 105–113.
- ¹²⁸ Щеголев 1916. С. 115.
- ¹²⁹ Там же. С. 119.
- ¹³⁰ *Сафонов М.М.* «...Настоящего виновника в этом деле назовет Париж» // Віддане служіння історичній науці. До 70-річчя професора Григорія Казьмирчука. Київ, 2014. С. 385–393.
- ¹³¹ Щеголев 1916. С. 118.
- ¹³² Там же. С. 137, 143.
- ¹³³ Там же. С. 145–146.
- ¹³⁴ Щеголев 1928. С. 451; Щеголев 1999. С. 418.
- ¹³⁵ Щеголев 1928. С. 465; Щеголев 1999. С. 430.
- ¹³⁶ Щеголев 1928. С. 465; Щеголев 1999. С. 431.
- ¹³⁷ Щеголев 1928. С. 466; Щеголев 1999. С. 431.
- ¹³⁸ Щеголев 1928. С. 426; Щеголев 1999. С. 395.
- ¹³⁹ Щеголев 1928. С. 426–427; Щеголев 1999. С. 395.
- ¹⁴⁰ Щеголев 1928. С. 452; Щеголев 1999. С. 420.
- ¹⁴¹ Дуэль Пушкина с Дантесом: Подлинное военно-судное дело. 1837. С. 61.
- ¹⁴² Щеголев 1928. С. 451; Щеголев 1999. С. 396; 418–419.
- ¹⁴³ Щеголев 1928. С. 453; Щеголев 1999. С. 420–421.
- ¹⁴⁴ Письмо князя П.А. Вяземского к великому князю Михаилу Павловичу от 14 февраля 1837 года // Щеголев 1928. С. 259; Щеголев 1999. С. 243.
- ¹⁴⁵ Щеголев 1928. С. 466–467; Щеголев 1999. С. 431.
- ¹⁴⁶ Щеголев 1928. С. 471, 472; Щеголев 1999. С. 436.
- ¹⁴⁷ Щеголев 1928. С. 438; Щеголев 1999. С. 406.
- ¹⁴⁸ *Бартенева П.И.* Еще о последних днях жизни и кончине Пушкина. По поводу писем А.И. Тургенева к А.И. Нефедьевой // Русский архив. 1908. Кн. III. С. 295.

References

- ABRAMOVICH S. L. *Pushkin v 1836 godu (Predystoriya poslednej dueli)*. [Pushkin in 1836 (Prehistory of the last duel). In Russ.] Leningrad, 1989.
- AMMOSOV A. N. *Poslednie dni zhizni i konchina A. S. Pushkina*. [The last days of the life and death of A. S. Pushkin. In Russ.] St. Petersburg, 1869.
- ANDRONIKOV I. L. *Tagil'skaya nahodka*. [Tagilsk's find. In Russ.] // Novyj mir. 1956. No. 1. S. 153–163.
- ARAPOVA A. P. *Natal'ya Nikolaevna Pushkina-Lanskaya*. [Natalia Nikolaevna Pushkina-Lanskaya. In Russ.] // Illyustrirovannoe prilozhenie k gazete "Novoe vremya". 1907. 12, 19, 22, 29 dekabrya; 1908. 2, 9 yanvarya.
- ARAPOVA A. *Natal'ya Nikolaevna Pushkina-Lanskaya: K semejnoy hronike zheny A. S. Pushkina* [Natalia Nikolaevna Pushkina-Lanskaya: To the Family Chronicle of the wife of A. S. Pushkin. In Russ.] Moscow, 1994.
- Duel' Pushkina s Dantesom: Podlinnoe voenno-sudnoe delo. 1837*. [Pushkin's Duel with Dantes: A genuine military loan case. 1937. In Russ.] St. Petersburg, 1900.
- GERSHTEJN E. G. *K istorii smertel'noj dueli Pushkina. (Kriticheskie zametki)* [On the History of Pushkin's Deadly Duel. (Critical notes). In Russ.] // Lica. Biograficheskij al'manah. Moscow; St. Petersburg, 1995. S. 120–171.

- GROSSMAN L. P. *Cekha pera*. [Workshop of the pen. In Russ.] Moscow, 1930.
- KAZANSKIY B. V. *Gibel' Pushkina* [Death of Pushkin. In Russ.] // *Zvezda*. 1928. No. 1. S. 102–117.
- KAZANSKIY B. V. *Gibel' poeta* [Death of poet. In Russ.] // *Literaturnyj sovremennik*. 1937. No. 3. S. 219–243.
- KAZANSKIY B. V. *Pis'mo Pushkina Gekkernu* [Pushkin's Letter to Hekkern. In Russ.] // *Zven'ya*. Sbornik materialov i dokumentov po istorii literatury, iskusstva i obshchestvennoj mysli XIX–XX vv. T. VI. Moscow; Leningrad, 1936. S. 5–92.
- LEVKOVICH YA.L. *P.E. SHCHegolev i ego kniga "Duel' i smert' Pushkina"*. [P.E. SHCHegolev and his book "Duel and the Death of Pushkin". In Russ.] // P.E. SHCHegolev. *Duel' i smert' Pushkina*. [Duel and the Death of Pushkin. In Russ.] St. Petersburg, 1999. S. 5–20.
- PAVLISHCEV L.N. *Iz semejnoy hroniki: Vospominaniya ob A.S. Pushkine*. [From the family chronicle: Memories of A. S. Pushkin. In Russ.] Moscow, 1890.
- PAVLISHCEV L.N. *Konchina A.S. Pushkina*. [Death of A. S. Pushkin. In Russ.] St. Petersburg, 1899.
- PANCHULIDZEV S.A. *Sbornik biografij kavalgardov*. [Collection of biographies of cavalry guards. In Russ.] 1826–1908. St. Petersburg, 1908.
- POLYAKOV A.S. *O smerti Pushkina*. [On the death of Pushkin. In Russ.] Petrograd, 1922.
- POPOVA N.I. *Neopublikovannoe pis'mo P.A. Osipovoj k A.I. Turgenevu*. [Unpublished letter of P. A. Osipova to A. I. Turgenev. In Russ.] // Pushkin. *Issledovaniya i materialy*. T. IV. Moscow; Leningrad, 1962. S. 366–370.
- PUSHKIN A.S. *Dnevnik: Avtobiograficheskaya proza*. [Diaries: Autobiographical prose. In Russ.] Moscow, 1989.
- Pushkin i ego sovremenniki* [Pushkin and his contemporaries. In Russ.] Vyp. I. St. Petersburg, 1903.
- Pushkin i ego sovremenniki*. [Pushkin and his contemporaries. In Russ.] Vyp. XXI–XXII. Petrograd, 1915.
- PUSHKIN A.S. *Pis'ma k zhene*. [Letters to his wife. In Russ.] Leningrad, 1986.
- PUSHKIN A.S. *Pis'ma poslednih let. 1834–1837*. [Letters of recent years. 1834–1837. In Russ.] Leningrad, 1969.
- Russkaya starina*. [Russian antiquity. In Russ.] 1902. No. 5.
- Russkij arhiv*. [Russian Archive. In Russ.] 1879. No. 6.
- Russkij arhiv*. [Russian Archive. In Russ.] 1888. No. 7.
- Russkij arhiv*. [Russian Archive. In Russ.] 1908. Kn. III.
- Russkij arhiv*. [Russian Archive. In Russ.] 1911. No. 1.
- Russkij arhiv*. [Russian Archive. In Russ.] 1912. No. 2.
- SAFONOV M.M. *Anonimnyj paskvil' A.S. Pushkinu i Mal'tijskij orden* [Anonymous lampoon to A. S. Pushkin and the Maltese Order. In Russ.] // *Rycari Mal'tijskogo kresta*. St. Petersburg, 2006. S. 105–113.
- SAFONOV M.M. *Gosti na poroge, ili Poslednyaya duel' poeta po P.E. Shchegolevu*. [Guests on the threshold, or The poet's Last Duel by P. E. Shchegolev. In Russ.] // *Vechernij Peterburg*. 2000. 14 oktyabrya.
- SAFONOV M.M. *Kapitul rossijskix ordenov v due'noj istorii Pushkina*. [The Chapter of Russian orders in the dueling history of Pushkin. In Russ.] // *Vremennik Pushkinskoj komissii*. Vy`p. 30. Moscow, 2005. S. 288–295.
- SAFONOV M.M. // *The Temporary Pushkin Commission*. Iss. 30. Moscow, 2005. S. 288–295.
- SAFONOV M.M. *Krov' Pushkina i na semejstve Vyazemskih?* [Pushkin's blood and on the Vyazemsky family? In Russ.] // *Peterburgskij istoricheskij zhurnal*. 2019. No. 3. S. 289–315.
- SAFONOV M.M. *"...Nastoyashchego vinovnika v etom dele nazovet Parizh"*. ["...Paris will name the real culprit in this case". In Russ.] // *Viddane sluzhinnya istorichnij nauci. Do 70-richchya profesora Grigoriya Kaz'mirchuka*. Kiiv, 2014. S. 385–393.
- SAFONOV M.M. *Pushkin i Dantes: mify i real'nost'* [Pushkins in the correspondence of Heckern and Dantes: myths and reality. In Russ.] // *Rossiya i Niderlandy v XVII–XX vv.: novye issledovaniya i aktual'nye problemy. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Institut vseobshchej istorii RAN, 15–16 maya 2013 g.)*. Moscow, 2014. S. 255–287.
- SAFONOV M.M. *Sushchestvuet li tajna ZHorzha Dantesa?* [Is there a secret of Georges Dantes? In Russ.] // *Peterburgskij istoricheskij zhurnal*. 2015. No. 1. S. 286–305.
- SHCHEGOLEV P. E. *Duel' i smert' Pushkina*. [The Duel and the death of Pushkin. In Russ.] St. Petersburg, 1999.
- SHCHEGOLEV P. E. *Duel' Pushkina s Dantesom. (Novye materialy)* [Pushkin's duel with Dantes. (New materials). In Russ.] // *Istoricheskij vestnik*. 1905. YAnvar'; mart; april'.
- SHCHEGOLEV P. E. *Duel' i smert' Pushkina: Issledovaniya i materialy* [Duel and Pushkin's death: Studies and materials. In Russ.] // *Pushkin i ego sovremenniki*. Vyp. XXV–XXVII. Petrograd, 1916.

SHCHEGOLEV P. E. *Duel' i smert' Pushkina: Issledovaniya i materialy*. [Duel and Pushkin's death: Research and materials. In Russ.] Petrograd, 1917.

SHCHEGOLEV P. E. *Duel' i smert' Pushkina: Issledovaniya i materialy*. [Duel and Pushkin's death: Research and materials. In Russ.] Leningrad, 1928.

SHCHEGOLEV P. E. *Duel' i smert' Pushkina*. [Duel and Pushkin's death. In Russ.] St. Petersburg, 1999.

SHCHEGOLEV P. E. *Pushkin: Ocherki*. [Pushkin: Essays. In Russ.] St. Petersburg, 1912.

YASHIN M. I. *Hronika predduel'nyh dnej* [Chronicle of the days before the duel. In Russ.] // *Zvezda*. 1963. No. 8. S. 159–184.

YASHIN M. I. *Hronika predduel'nyh dnej*. [Chronicle of the days before the duel. In Russ.] // *Zvezda*. 1963. No. 9. S. 166–187.

Zapiski A. O. Smirnovoj. [Memoirs of A. O. Smirnova. In Russ.] ЧН. 1–2. St. Petersburg, 1895–1897.

Zeen'ya. Sbornik materialov i dokumentov po istorii literatury, iskusstva i obshchestvennoj mysli XIX–XX vv. [Links. Collection of materials and documents on the history of literature, art and social thought of the 19th–20th centuries. In Russ.] Вып. IX. Moscow; Leningrad, 1951.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

М. М. Сафонов. Ame de dentelles, или Наталья Николаевна и Павел Елисеевич // Петербургский исторический журнал. 2022. № 1. С. 185–217

Аннотация: Для исследования гибели Пушкина П. Е. Щеголев сделал больше, чем все пушкинисты вместе взятые. Он разыскал, опубликовал и прокомментировал важнейшие документы, отражающие ход дуэльной истории. Автор статьи последовательно рассмотрел все издания его знаменитой книги и предшествующие ей публикации. Это позволило выявить исследовательские приемы, которыми пользовался выдающийся пушкинист, оказавшие сильнейшее влияние на советское пушкиноведение. Ученый односторонне и предвзято трактовал источники, задавшись целью во что бы то ни стало сделать Н. Н. Пушкину главной виновницей гибели поэта. Даже в тех случаях, когда П. Е. Щеголев знал, что источники недостоверны, но они служат обвинению жены поэта, выдающийся исследователь, вклад которого в пушкиноведение невозможно переоценить, не останавливался перед тем, чтобы воспользоваться ими для создания своей концепции гибели Пушкина. В основе ее лежала проекция его собственного видения отношений творческой личности и просто красивой женщины на взаимоотношения Пушкина и Натальи Николаевны, тогда как истинная причина дуэли ему оставалась неизвестной.

Ключевые слова: П. Е. Щеголев, А. С. Пушкин, Н. Н. Пушкина, Е. Н. Гончарова, Ж. Дантес, дуэль.

FOR CITATION

M. M. Safonov. Ame de dentelles, or Natalia Nikolaevna and Pavel Eliseevich // Petersburg historical journal, no. 1, 2022, pp. 185–217

Abstract: For the study of the death of Pushkin, P. E. Shchegolev did more than all the Pushkinists combined. He found, published and commented on the most important documents reflecting the course of the dueling history. The author of the article has consistently reviewed all editions of his famous book and its previous publications. This made it possible to identify the research techniques used by the outstanding researcher of Pushkin, which had a strong influence on Soviet Pushkin studies. The scientist interpreted the sources one-sidedly and biased, setting a biased goal at all costs to make N. N. Pushkin the main culprit of the poet's death. Even in cases where P. E. Shchegolev knew that the sources were unreliable, but they served to accuse the poet's wife, the outstanding researcher, whose contribution to Pushkin studies cannot be overestimated, did not stop to use them to create his own concept of the death of Pushkin. It was based on the projection of his own vision of the relationship between a creative person and just a beautiful woman on the relationship between Pushkin and Natalia Nikolaevna. While the true reason for the duel remained unknown to him.

Key words: P. E. Shchegolev, A. S. Pushkin, N. N. Pushkina, E. N. Goncharova, Dantes, duel.

Автор: Сафонов, Михаил Михайлович — к. и. н., старший научный сотрудник С.-Петербургского института истории Российской академии наук.

Author: Safonov, Mikhail Mikhailovich — PhD, senior Researcher of the St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences.

E-mail: m.safonov@list.ru

ORCID: 9532-2216